

Василий Щепетнев

Тайная сторона Игры

16+

Василий Щепетнев

Тайная сторона Игры

«Автор»

2022

Щепетнев В. П.

Тайная сторона Игры / В. П. Щепетнев — «Автор», 2022

Подвиги величайшего шахматиста всех времен и народов долгое время оставались тайной за семью печатями. Но сейчас... Сейчас можно и рассказать о тайной стороне Игры.

© Щепетнев В. П., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Предупреждение автора	5
Дело о Замоскворецком Упыре	6
1	6
2	11
3	17
4	18
5	22
6	26
7	31
8	37
9	39
10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Василий Щепетнев

Тайная сторона Игры

Предуведомление автора

Писать исторический роман – дело чрезвычайно ответственное, рискованное и почти всегда неблагодарное. Непременно укажут на неточности, анахронизмы, несоответствия с взглядами сегодняшнего начальства на времена минувшие. Еще и в клевете на великое прошлое державы попеняют, и хорошо, если попеняют только словесно. Конечно, можно и принорочиться – написать, аккуратно сверяясь с установками сегодняшнего дня, но что, скажите, будет с книгой завтра, когда начальство, а с ним и установки сменятся?

Нет, как хотите, а мне это не по душе.

Но что делать, если я вижу, слышу и порой чувствую ребрами, как могло бы случиться? Пишу роман. Путь и другие посмотрят.

А что до анахронизмов... Конечно, я знаю дату публикации «Войны миров» Уэллса, обстоятельства создания Малевичем «Черного Квадрата», официальную версию причины смерти Инессы Арман, а также правильное написание фамилии величайшего шахматиста всех времен и народов.

Но я знаю и другое...

Дело о Замоскворецком Упыре

1

Арехин поднялся по ступеням особняка, потянул на себя дверь. Тяжелая, на тугой пружине. Прежде ее швейцар открывал, предупредительно, вежливо, аккуратно, но теперь швейцаров нет. Нужно на карту взглянуть, осталась ли Швейцария...

Караульный спал, сидя за канцелярским столом. Устал, видно. День выдался тяжелым, смена не пришла или... Конечно!

Он обошел спящего, глянул за тумбу стола. «Зазеркалье», идеальное средство для чистки всех видов стеклянных поверхностей, «Сауленков и сын», поставщик императорского двора. Восьмиунциевый флакон был пуст, лишь на донышке осталось несколько капель синей жидкости.

Будить спящего Арехин и не думал. Ни к чему.

По мраморной лестнице он поднялся в бельэтаж. Ковровую дорожку давно убрали, путь указывала дорожка другая, натопанная. Осень, слякоть, грязь, калоши никто внизу не оставляет, даже те, у кого они еще есть. Вот и следят.

На дверях мелом были нарисованы цифры. Наибольшим успехом, судя по грязи, пользовалась цифра три, но Арехин ее миновал, миновал и пятерку, остановясь у семерки.

За дверью разговаривали, но негромко, спокойно. Не прислушаться, так и не разобрать, о чем.

Он постоял минуту, другую, потом без стука вошел.

Вошел и замер на пороге. Заходящее солнце било в широкое окно прямой наводкой. В окно, в лицо, в глаза. Хорошо, оно неяркое, солнце.

подавив желание отвернуться, Арехин моргнул несколько раз, привыкая, и только затем снял шляпу. Оглянулся, заметил вешалку, и пристроил шляпу на крюк.

– Тебе чего? – голос добродушный, даже приветливый. – Заявление принес? Оставь в третьем кабинете у секретаря. Только его сейчас нет, секретаря, потому завтра с утра пораньше приходи.

– Заявление? – Арехин огляделся. Комната невелика, окно одно, правда, большое. Шторы, занавески отсутствуют. Мебели – двутумбовый стол, два стула и диван. За столом сидел один, на диване – двое. В углу – буржуйка трубою в камин, между буржуйкой и диваном – ведро для золы, в уголке – дрова, настоящие, из поленьев, а не мебели. И запах, едковатый запах жидкости для чистки стекла. И здесь «Зазеркалье».

– Заявление? – переспросил он, выигрывая время. Человек за столом, похоже, главный. Дело не в одежде, одежда – пустяки, френч, хоть и новый, но мятый, засаленный, со следами трапез последних дней; выдавала и поза – небрежно-хозяйская, и лицо. Лицо человека лет тридцати, тридцати двух, видевшего виды, но себя не потерявшего, а, скорее, нашедшего. И теперь – не уколупнешь! Брит наголо, глаза черные, уши оттопыренные. Характер!

На диване сидели тоже люди непростые. Первый, молодой, двадцать два, двадцать три года, в куртке, явно переделанной из хорошего пальто, в диагональных брюках и хромовых сапогах со следами шпор. Худой, остроносый, и зрачки – круглые, как у совы ночью. Морфий, кокаин? Судя по зрачкам, последнее. Второй еще моложе, лет восемнадцать. Вязаная кофта, красные революционные галифе и стоптанные сапоги. Лицо же простодушное, даже блаженное. Путешествует. В Зазеркалье и обратно. И так, Бритый, Куртка и Кофта. Куртка и Кофта на офицерских ремнях носят деревянные кобуры от «Маузеров». Судя по всему, не пустые.

– Какое заявление?

Коротенькой паузы как раз хватило на осмотр кабинета и людей. Практика и тренировка.
– Обыкновенное. Тебя ограбили, что ль?
– Бог миловал.
– Из семьи кого убили?
– В последнее время – нет.
– Тогда за каким чертом ты сюда приперся? – голос, вопреки словам, стал еще добродушнее. – Если с доносом, так смотря каким. Политику в Чека неси. А у нас – московский уголовный сыск.

– Уголовный сыск мне и нужен, – заверил Арехин.
– Не ограбили, не убили, а уголовный сыск все-таки нужен, – задумчиво протянул хозяин кабинета.

– В жизни все бывает, – любезно ответил Арехин. – Вы – товарищ Оболикшто?
– Кому товарищ, а кому и гражданин, – Оболикшто откровенно разглядывал Арехина. Разглядывал, впрочем, беспорядочно. На лицо посмотрит, на лакированные туфли, на прическу, на правое плечо, на выглаженные брюки, опять на лицо, на левое плечо, опять на туфли, на шляпу на вешалке. В этой системе есть безумие.

Ладно, если привык смотреть так – пусть смотрит. Одежда у него в порядке, прическа тоже, выбрит превосходно не далее, как три часа назад, ногти подстрижены коротко, правда, без маникюра. Как-нибудь переживут отсутствие холи ногтей, тем более в наше время.

– Удивляюсь я, – сказал Оболикшто, закончив осмотр.
– Чему, позвольте полюбопытствовать?
– Как ты таким франтом по улицам ходишь – и живой. Даже не ограбили ни разу. К нам вот дошел целеньким.

– К вам я как раз не дошел. Доехал.
– Ну, разве доехал...
– А в Москве я и вовсе два дня.
– И два дня для такого пальто слишком много, – уверил Оболикшто.
– Возможно, – не стал спорить Арехин.
– А ты напиши заявление наперед, – раздался голос с дивана. Арехин не повернул головы, но заметил: встрял в разговор Куртка. – Пойдешь домой, тут тебя и ограбят. Или даже убьют. Второй раз сюда идти придется. Так что бери карандашик и пиши – я, гражданин такой-то, проживающий там-то, жалуюсь посмертно на ограбление, – видно было, что и Куртке разговор доставлял удовольствие. – И бумажку под дверь третьей комнаты.

– Бумажка у меня уже есть. Только ее не под дверь, а лично в руки товарищу Оболикшто вручить нужно. Или, если угодно, гражданину Оболикшто.

Арехин медленно вытащил из внутреннего кармана пальто узкий белый конверт, подошел к столу и протянул Оболикшто.

– Это что?
– А вы откройте, – посоветовал Арехин.
– Какие мы таинственные, – теряя теплоту голоса, протянул Оболикшто.

Толстыми пальцами он раскрыл незапечатанный конверт, достал бумагу, столь же белую. Белоснежную. И скоро, очень скоро найти такую бумагу будет столь же легко, сколь и прошлогодний снег.

– На такой бумаге хорошо барышням письма писать, – бормотал Оболикшто.
– И не только барышням, – теперь уже Арехин подпустил добродушия и даже ласковости. Оболикшто отвечать не стал. Читал он медленно, шевеля губами. Однако пальцем по строчкам не водит, спасибо и на том.

Дойдя до конца, Оболикшто начал читать заново. Лицо его раскраснелось – то ли от алеющего солнца, то ли по иной причине.

Наконец, он оторвал взгляд от бумаги, кашлянул, прочищая горло, потом еще и еще.

– Значит, вас прислали сюда служить? – откашлявшись, выговорил он.

– Точно так.

– Следователем по особо важным делам?

– Точно так.

– Наделенным чрезвычайными полномочиями?

Третий раз точно так Арехин не стал. Кончились точно так.

– Вот, – оторвавшись от бумаги, обратился Оболикшто к дивану. – Направили к нам особо важного следователя Арехина. Лично товарищ Дзержинский и направил.

Куртка только качнул головой, а Кофта, вынырнув из Зазеркалья, широко улыбнулся:

– Смотри, тезка! Я тоже Орехин.

– Я Арехин. Александр Александрович Арехин. Первая буква – аз.

– Аз, так аз. Хорошая буква. А я – Сашка Орехин,

Арехин вежливо наклонил голову. Со знакомством, значит.

Куртка молчал, представляться не спешил. Смотрел нерадостно. Потом плюнул в ведро с золой, почти попал.

– А сами вы из каких будете, гражданин Арехин? – тщательно выговаривая слово «гражданин» и налегая на А в фамилии, наконец, сказал он.

– Догадаться не сложно, – усмехнулся Александр Александрович.

– Мне знать нужно, – со значением проговорил Куртка. – Знать, с кем под буржуйскую пулю пойду.

– Если нужно, то поработайте. Вы же в уголовном сыске.

– Языком работать всякий горазд... – сказал в никуда Куртка.

Арехин чуть склонил голову набок, рассматривая Куртку, потом неторопливо начал:

– Вы, я вижу, родились в семье священника. Но с отцом, разумеется, давно порвали. Еще до революции. Класе в пятом гимназии.

– В четвертом, – поправил Куртка.

– Хорошо, в четвертом. Отринули веру, стали эсером.

– Левым эсером, – опять поправил Куртка.

– Да, конечно. Весной восемнадцатого от эсеров ушли, к большевикам пришли. Воевали с белогвардейцами, контужены. Сейчас – один из лучших оперативников МУСа.

– Верно, – хлопнул себя по коленям Орехин. – Верно, черт побери. В самую точку, тезка Аз.

– Теперь я знаю, – насмешливо сказал Куртка. – Вы – Шерлок Холмс.

– Нет, конечно, нет. Шерлок Холмс сейчас непременно бы выложил, каким путем он узнал всю подноготную о товарище в куртке. Я же умолчу.

– Хорошо, хорошо, пусть так. Но все же, чем вы занимались прежде, гражданин? – Оболикшто окончательно решил заменить сердечное ты бездушным вы.

– Окончил Императорское правоведческое училище. Служил в санитарном отряде на Галицийском фронте. Ранен, контужен. После революции работал по заданию партии.

– Какой? – спросил Куртка.

– Где? – одновременно спросил тезка Он.

– Партии большевиков. Куда посылали, там и работал.

– Понятно, – протянул Оболикшто. – Хорошо, спрошу по-другому: опыт работы в уголовном сыске есть?

– Небольшой. Когда учился, доводилось помогать Владимиру Ивановичу.

– Какому такому Владимиру Ивановичу?

– Яценко. Следователю.

– Не знаю такого... – сказал Оболикшто. Пожалуй, поспешно сказал.

- Он по уголовным делам специалист, не по политическим.
- По уголовным, что ж, по уголовным люди бывали и неплохие. Он как, послужить новой власти не хочет?
- Владимир Иванович Яценко пропал без вести, – сухо сказал Арехин.
- Бывает, бывает. Зато ты... вы, то есть, теперь здесь. С людьми у нас сложно. Иной начитается книжечек про Ната Пинкертона и летит к нам, приключений ищет. А у нас – служба. Попробовал бы Пинкертон... – но продолжать не стал, только рукой махнул. Махнул и задел стакан, хорошо, подхватить успел.
- Мы тут немножечко... С устатку... Вы как?
- Я не устал, – отказался Арехин.
- Брезгаешь? – с дивана сказал Куртка. – К шампанскому привык?
- Я вижу, у вас тут партизанщина... – протянул Арехин.
- Изредка случается, – согласился Оболикшто. – Когда особо тяжелый день.
- Тяжелый день?
- Я ж говорю, Пинкертону такое и в кошмаре не снилось. Бандитизм небывалый. Да что говорить, завтра сами увидите.
- Завтра?
- Ну, сегодня день, можно сказать, на исходе, опять же секретарши нет. Потому всякую бюрократию отложим до завтра. Времена такие – без бюрократии нельзя. Зачислить на службу, паек, жалование. Пакет наш не чекистский, но прожить можно. Потом насчет обмундирования. Его, как такового, нет, но кое-чем из самого необходимого пособим. Но, возможно, вы в одежде не нуждаетесь?
- Не нуждаюсь, – согласился Арехин. – Во всяком случае, сейчас.
- Хотя... – Оболикшто с сомнением осмотрел пальто Арехина, сшитое, правда, еще в 1917 году, но у лучшего парижского портного и из лучшей английской материи, и, что еще главнее, практически не ношенного. Кашемировый шарф и лакированные туфли с блестящими шотландскими калошами добавили сомнения. – Нам ведь по чердакам шуровать приходится, по подвалам.
- В канализацию спускаться, – добавил Куртка, – по говну ходить.
- Как-нибудь, – ответил Арехин. – У меня есть полевая форма.
- Офицерская? – ехидно спросил Куртка.
- Разумеется.
- Ничего, главное, чтобы без золотых погон, – примирительно сказал Оболикшто.
- Арехин не стал говорить, что полевая форма и золотые погоны несовместны. Зачем? Просто учел: товарищ Оболикшто в отечественную на фронте не был. А что Куртка и Кофта молчат – может, из солидарности. Или просто до конца из зазеркалья не выбрались.
- А вот оружие товарищу – уже товарищу! – Арехину нужно прямо сейчас. Домой спокойнее идти будет.
- Оружие у меня тоже есть, – успокоил Арехин.
- Тогда носите его при себе.
- При себе и ношу, – но показывать не стал. Куртка опять усмехнулся. Похоже, считает, что лучше «маузера» оружия не бывает.
- Ну, ну, – только и сказал Оболикшто, не видя характерных бугров под пальто. Если и носит, то «браунинг», дамскую игрушку, мухобой.
- Тишина, что на мгновение заполнила здание, оказалась зыбкой. Хлопнула дверь, частые шаги зазвучали громче и громче, и вот уже дверь распахнута с нарочитой драматичностью, открыть ее можно куда скромнее.

Солнце скрылось за домом напротив, но закатная сторона небосклона пылала вовсю, и потому прибывший немного походил на оперного Мефистофеля – адский огонь на челе и во взоре, и все к тому прилагающееся.

– Еще одна, – только и сказал вошедший. Если убрать красные лучи – обыватель как обыватель. Хорошо поношенная одежда, стоптанные ботинки, умеренная худоба.

– Где? – подобрался Оболикшто.

– В доме купца Красинкова, в квартире, что в пятом этаже.

– Когда нашли? Кто?

– Да только сейчас. Сестра пришла ее навестить, тут и увидела. Позвали меня. Я, как узнал, сразу догадался – к вам бежать нужно.

– Дворник...

– Дворника оставил около комнаты.

– Тогда – Лютов со мной, Орехин – за старшего.

– Позвольте, вы забыли обо мне, – напомнил Арехин.

– Считайте, что вам повезло, сегодня вы еще не служите у нас.

– Служу, служу, – тихо, но убедительно ответил Арехин.

– Ну, если служите... – из-за стола Оболикшто встал быстро, перепоясавшись кожаным ремнем, грубым, солдатским, но тоже с обязательным маузером, надел кожаную шоферскую фуражку и такую же куртку.

2

Спустились они быстро, впереди спешил неизвестный (неизвестным он был только для Арехина, но ни Оболикшто, ни Лютов не сочли нужным представить человека, то ли некогда, то ли человек маленький, то ли маленький Арехин).

Они пересекли двор с захлавленным, недействующим фонтанарием – да и зачем в ноябре хладные струи? – и перевернутыми скамьями, прошли через полуприкрытые ворота и вышли в Мальков переулок. Переулок был впору иной улице, все-таки Москва, а не, к примеру, Симбирск, только загаженный так, что и в Симбирске редкость.

Теперь-то, поди, не редкость.

Зато в переулке стоял «паккард», блестящий, чистый, большой и закрытый, с новыми шинами «данлоп» и шофером в кожанке, очках-консервах, маузером на ремне, а помимо маузера – еще две бомбы самого зловещего вида, не подступишься. Настоящий революционный шофер, настоящий революционный автомобиль.

Только к МУСу ни шофер, ни «паккард» отношения никакого не имели.

– Да, хороша Маша, жаль, не наша, – вздохнул Оболикшто даже не мечтательно.

Но Арехин распахнул заднюю дверь, залез, сел и поманил остальных.

– Неужели... Неужели это ваше авто? – устроясь, а более успокоясь, спросил Оболикшто.

– Нет. Одолжил на время, – без подробностей ответил Арехин. – К дому купца Красинкова, – сказал он в переговорную трубку, нисколько не сомневаясь, что шоферу адрес известен.

Лютов присел на откидном кресле напротив, не решаясь стеснить Арехина и Оболикшто, хотя места хватало. На другом откидном примостился и неизвестный.

«паккард» тронулся аккуратно, едва заметно, но спустя несколько мгновений никакой лихач на дутиках не угнал бы за ним. Техника!

– Тут вот в чем дело, товарищ Арехин, – Оболикшто приободрился и дал понять, что его нисколько не подавляет величие «паккарда». – Бандитизм сейчас, конечно, большой. Большой, но в общем-то понятный. Классовая ненависть, нехватки, мало ли что. И убить могут запросто ради сапог, часов, куска хлеба даже. Квартиры грабят, случается. Иногда с озорством.

Но последнее время кто-то совсем с цепи сорвался. Не просто убьет, а непонятно. Все в квартире на месте, ничего не взято, даже то, что на виду, и что спрятано, тоже цело – золото, мануфактура, да мало ли какого добра у людей осталось. Только в убитом – или убитой, он не выбирает, – крови в теле почти не остается. И обязательно головы нет. Аккуратно так отрезана, силы убийца невероятной, и инструмент имеет острейший, вроде глотины, не иначе.

– Глотины?

– Ну да, что французских буржуев глотала, королей всяких, принцесс, графьев. Острая, саморубная. Чик – и граф без головы. Понятная для народа агитация. Только глотина большая была, с комод, и высокая, не утаишь. Здесь же маленькое орудие. Может, сабелька острейшая. Потому как опрашивали людей – никто ничего необычного не видел.

«Паккард» остановился у большого шестизэтажного дома.

– Он самый, – сказал неизвестный.

Неспешно вылезли из автомобиля. Не сколько езда понравилась, хотя и это тоже, сколько не хотелось возвращаться в обычный мир. Мир, где на пятом этаже дома купца Красинкова лежит обезглавленный труп.

Неизвестный уверенно провел их мимо заколоченного парадного к черному ходу. По тому, как смотрели жильцы, стало очевидно: неизвестный Арехину, им, жильцам, был очень известен и пользовался уважением и даже какой-то властью. Предкомдомуправ, не меньше.

Подъемная машина, разумеется, не работала. Вернее, работала, но памятником минувшим дням.

Лестница, на удивление, оказалась не загаженной, видно, убирали. Алехин в сумерках (наконец-то!) разглядел бумажку-график. Почти турнирная таблица.

Сходство заставило улыбнуться, не очень, впрочем, весело. Мало было веселья в кухонных запахах, в худых котах, опасливо глядящих из углов, в доносившейся невесть откуда визгливой брани, которую новые вселенцы-населенники считали обыкновенным, даже приятельским разговором.

Зато не стреляют.

Поднявшись, постояли – собраться с мыслями. Отдышаться, прислушаться. Было чуть спокойнее, нежели внизу, но где-то еще выше надрывно орал ребенок, его злобно баюкала мать, слышался детский топот...

– Большой дом. Тысяча душ. Прежде, конечно, меньше, много меньше, но теперь... – неизвестный обращался к Арехину: раз у Арехина автомобиль, то он – человек непростой. Может, даже не меньше товарища Оболикшто. Может, даже и больше товарища Оболикшто. Товарищ Оболикшто пешком ходит, редко-редко на казенном извозчике.

– Откуда же взялась эта тысяча душ?

– Уплотняемся, – жалко, но с потугой на бодрость, улыбнулся неизвестный, и, спохватившись, добавил: – Я – Петрушенко, Никанор Петрушенко, председатель комитета управления домового товарищества. А жиличка та, что убитая, Лизавета Смолянская, учительница.... Вернее, была учительницей. Хотя по виду и по всему буржуазного происхождения, из бывших, – тут он опять засомневался, потому что Арехин на пролетария никак не тянул, но и бывшим назвать его тоже невозможно. Какой же он бывший? Самый настоящий.

Они прошли в коридор, обычный коридор пятого этажа, захламленный весьма умеренно.

– До пятого этажа уплотнение еще толком и не добралось, – объяснил Петрушенко.

Чуть дальше, у третьей двери сидел на стуле человек, в котором любой москвич, даже не Шерлок Холмс, легко распознал бы дворника. Еще дальше, на паре табуретов, сидели вместе (не рядом, а именно вместе) женщина лет двадцати пяти и молодой человек чеховского вида. Эти точно из бывших.

– Никто, значит, не входил и никто, это самое... не выходил! – доложил дворник.

– А кто, любезнейший, мог из комнаты выйти? – поинтересовался Арехин.

Дворник смешался, закашлялся.

– Никто, понятно, раз Елизавета Викторовна мертвая, – наконец, ответил он.

– Ну, никто, значит, никто, – примирительно ответил Арехин и, не дожидаясь советов, указаний и прочих распоряжений товарища Оболикшто, прикоснулся к двери.

– Она была открыта? – спросил он дворника.

Ответила женщина с табуретки. Вопреки ожиданиям, она не плакала, не рыдала, голос звучал спокойно, даже излишне сухо:

– Дверь была плотно прикрыта, однако на ключ или засов не заперта. Я чуть посильнее налегла – и зашла.

– Зашли, и... —

– И увидела Лизавету. Она... Она лежала рядом с креслом у окна. Я разу вышла и позвала людей.

– Закричали?

– Просто громко позвала.

– И?

– Выглянули люди. Сбегали за дворником.

– В комнату вашей сестры никто после вас не заходил?

Она на мгновение задумалась, потом сказала уверенно:

– Заходил. Вот этот человек – она указала на Петрушенко.

– Ну, да, да, конечно, – пробормотал предкомдомуправ. – Как же иначе? Убедиться и прочее...

– А еще кто-нибудь?

– Больше никого, – твердо ответила женщина.

Лютов-Куртка, не вмешиваясь в разговор, попросту хотел оттолкнуть Арехина, да и войти, но Арехин не отстранился, и потому толчок Лютова пропал зря.

– Не торопитесь, – только и сказал Арехин, но сказал так, что предкомдомуправ уверился: в отделении МУСа грядут перемены.

– К вам, быть может, будут вопросы. Пожалуйста, подождите нас здесь, – и Арехин открыл дверь. Постоял на пороге, никого не пропуская, потом шагнул внутрь. Лютов за порог не переступал (вообще-то от рождения он был Лютиковым, это Арехин знал наверное), Оболишто вообще не торопился, Пусть новый сотрудник покажется во всей красе...

Наконец, Арехин вернулся к порогу.

– Доктора вызывали? – обратился он к Петрушенко.

– Нет. Мы подумали, зачем доктор, раз головы нет. Да у нас и доктора-то никакого в доме нет. Жили раньше, но...

– А поблизости? В соседних домах?

– В соседних уцелели. Доктор Бурмачев, например.

– Значит, зовите доктора Бурмачева, – он присел на корточки, разглядывая замок.

– Только он того... по женским болезням...

– За неимением гербовой... К тому же у нас как раз женщина. Собачек сыскных, конечно, нет? – обратился он к Оболишто.

Тот лишь криво усмехнулся.

– А экспертов? Дактилоскопистов, фотографов, баллистиков?

Усмешка стала еще кривее.

– Жаль. А ведь если поискать, то не в соседнем доме, так на соседней улице кого-нибудь найти можно было б...

– Это вряд ли. Если кто из той сволочи уцелел в семнадцатом, давно уже на юге, в Крыму, – сердито сказал Лютов.

– И это может быть. Зато этой сволочи развелось препорядочно.

– Какую такую сволочь вы имеете в виду, гражданин Арехин?

– Например ту, которая убивает несчастных женщин. А вы, гражданин Лютов?

Тот пробурчал что-то невразумительно-матерное.

– Вы, любезнейший, посторонних людей видели? – обратился Арехин к дворнику.

– Не могу знать, – угрюмо ответил тот. – Прежде я каждого жильца знал в лицо, да что в лицо, всю подноготную знал. И знакомых знал. А теперь налезло народишку... – он махнул рукой. – Из старых знакомых к барышне заходили сестра вот ее, Надежда Викторовна, да ейный провожатый.

– Дмитрий Пеев, – привстал с табуретки молодой человек.

– Потом этот... студент... – дворник почесал затылок, то ли вспоминая имя студента, то ли по привычке маленького человека выглядеть глупым.

– Матвей Доронин, – подсказала женщина.

– Точно, точно, он, – слегка ожил дворник, – ну, и крестный ее.

– Да, крестный ее любит... любил, – поправились женщина.

– Да. А незнакомые... Ко многим ходят. Барахольщики – купить, продать, обменять. Или кто с оказией письмо передать, посылочку... Ходят постоянно, не углядишь. Хорошо, если не навалят на лестнице...

– И к Елизавете Викторовне ходили?

– Ходили, ходили, – встряла в разговор жиличка из комнаты напротив. – Из деревни приезжали, пшена привозили. Она мне по-соседски стакан отсыпала.

– Кто приезжал?

– Да старик. Ничего, бодрый, опрятный...

– Это крестный наш, Лука Егорович Смоляков, – сказала Надежда Викторовна.

– Может и так, может, и так, что видела, то и сказала, мне от власти скрывать нечего, – и жиличка скрылась за дверью. Нечего, кроме себя, значит.

– Теперь посмотреть можно? – нарочито смиренно спросил Оболикшто.

– Можно, – отчего-то вздохнул Арехин.

Оболикшто, и, в затылок ему Лютов прошли в комнату.

Пахло особо, раздражающе. Пахло кровью.

На полу между круглым ореховым столом и узкой кроватью лежало тело. Тело без головы. Одетое в глухое темно-коричневое платье, чулки, башмаки, все в пристойном порядке, руки скрещены на груди.

В общем, будь голова на месте, место выглядело бы куда спокойнее.

Но головы не было.

– Приглядитесь: инструмент убийцы невероятно остер и прочен, а сам убийца – силен.

Оболикшто сел на корточки. Срезано – одним махом. Глотина.

– Да, похоже на работу гильотины, но гильотина – аппарат, как вы заметили, достаточно громоздкий и тяжелый.

– Еще и другое непонятно, – сказал Оболикшто. – В человеке крови много. А тут натекло – с полстаканчика. Остальная-то где?

– Я и сам гадаю. Возможно, ее с собою унес убийца.

– Унес?

– Ну, да. Отделил голову над тазом, потом из таза слил ее в ведро, в ведро же и голову положил, прикрыл крышкой, да и понес. Мол, обычное поганое ведро с нечистотами. Никто и приглядываться не станет.

Он зашел на кухню. Таз там был, медный, большой.

– А вода в кране?

Странно, но и вода в кране была тоже.

– Следовательно, из таза кровь он мог смыть.

Помойное ведро стояло на месте.

Арехин выглянул в коридор.

– Надежда Викторовна, вы, часом, не знаете, сколько ведер было у вашей сестры?

– Что? – не поняла вопрос женщина.

Арехин повторил.

– Она, как, впрочем, и я, хозяйством особенно не занималась. До революции не было необходимости, а после – нечем, собственно, и заниматься. Ведер у нее было два. Одно черное, другое – эмалированное, с цветочками. Она в него крупу, что крестный привез, высыпала. Высыпала, крышкой накрыла, да еще и чугунный бюстик Ломоносова сверху поставила – чтобы мыши или крысы не добрались. Он тяжелый, бюстик, на полпуда.

Бюстик Арехин нашел в углу. Крупу в мешочке – на нижней полке книжного шкафа. А эмалированное ведро в цветочках вместе с крышкой исчезло.

– Да уж... Вы, Александр Александрович, будто присутствовали при убийстве.

– Что присутствовали, они же и убили-с, – вставил Лютов.

– Вы, кажется, что-то сказали? – повернулся к нему Арехин.

– Пошутил. Я, знаете, шучу, часто и в неподходящее время. А в подходящее – не шучу. Это от нервов.

– Бывает, бывает, – оглядывая комнату в последний раз, пробормотал Арехин. Ключ в замке, беспорядка, можно сказать, никакого, кроме обезглавленного трупа.

– Да, еще... – он опять выглянул в коридор. – У вашей сестры были дорогие вещи? Золото, драгоценности?

– Не было ничего. Мы с сестрой еще в шестнадцатом году решили, что будем жить самостоятельно, только своим трудом. Если откровенно, и не откуда было нам ждать сундуков золота. Отец обходился жалованием, служил честно, состояния не нажил. Матушка... Ее мать, наша бабушка, баронесса фон Корф, действительно, богата. Ей сейчас девяносто два года, мы – ее единственные родственники, но бабушка весной четырнадцатого уехала в Стокгольм, а прежде всё до последнего лужка продала, обратила деньги в золото и увезла туда же, в Швецию.

– Дальновидно... – он вновь вернулся в комнату, тихо спросил у Оболикшто:

– Полагаю, уголовный сыск моргом для хранения тел убиенных не располагает?

– Правильно полагаете.

– А куда же помещаются тела?

– На кладбище, куда ж ещё. Увозят, да и в яму.

– А... как их увозят? Я говорил, что довольно долго отсутствовал в Москве и новых порядков не знаю.

– Обыкновенно. Уборочный отряд. Сделаем заявку, завтра, самое большое – послезавтра и увезут. Впрочем, тут есть сестра. Может, она возьмется похоронить?

Арехин промолчал. Стал в сторонку, наблюдая, что, собственно, будут делать Оболикшто и Лютов.

А ничего. Позвали Петрушенку, дали ему бумажку с лиловой печатью, на которой химическим карандашом что-то написали, вот и все.

– Ордер для уборочного отряда, – пояснил Оболикшто.

Выходя, он же сказал сидевшей на табуретке Надежде Викторовне:

– Если хотите хоронить сестру, потрудитесь до завтрашнего дня убрать тело. Одежду можете брать только в присутствии членов домового товарищества, ну, книги ещё возьмите. Остальное остается в распоряжении домкома. Да, крупу... крупу тоже можете взять. Комната по вывозе тела передается домкому. Или нет, погодите...

Оболикшто отвел в сторонку Арехина:

– Не знаю, как у вас с жильем, а комната, право, недурна. Можно в два счета оформить.

Арехин на мгновение задумался.

– Пожалуй, это отличная идея.

– Вплоть до особого распоряжения комната будет числиться за московским сыском. Ты, – обратился он к Петрушенке, – смотри, чтобы – ни-ни!

На выходе Арехин подошел к сестре убитой:

– Особенно можете не торопиться. У покойной были знакомые, друзья?

– Прежде были, – с ударением на «были» ответила женщина

– Вдруг кто и остался. Тот же студент, еще кто...

– Они-то здесь причем?

– Я не говорю, что причем. Но похороны. Или вы доверите это дело...

– Ох, я поняла. Да, есть у неё – и у меня – хорошие знакомые, даже друзья. Извините, не все умерли.

– Зачем же так, Надежда Викторовна.

– Я... Я немного не в себе...

– Вот, возьмите, – Арехин незаметно вложил ей в руку несколько монет. – Берите, берите, это принадлежало вашей сестре. На похороны. Иначе пропадут, – и, негромко, но так, чтобы не услышать было нельзя: – Вот что, гражданин Петрушенка. Похоронами и всем остальным

будет распоряжаться вот эта гражданка. Помогать ей всеми мерами. Гроб найти, другое-третье. Будет оплачено.

– Да я, мы... и без денег...

– Будет оплачено, – повторил Арехин. – В комнате гражданка может находиться, сколь ей угодно. Может устроить похороны, поминки, может жить, вплоть, как сказал товарищ Оболикшто, до особого распоряжения. Ясно?

– Ясно.

На лестнице Оболикшто подмигнул: – Не только квартиру, но и хозяйку нашел. А она ничего, если приглядеться.

– Надежда Викторовна – возможная зацепка, – равнодушно ответил Арехин.

На «паккарде» они вернулись в здание МУСа.

– Я хотел бы посмотреть, что есть по другим убийствам.

– Как это? – не понял Оболикшто.

– Вы сказали, что данное убийство – не первое злодеяние. Хочу ознакомиться с документами по прошедшим случаям.

– Документами... У секретаря они, может, и есть... Хотя мы с писаниной боремся.

– Хорошо. Кто работал с теми случаями?

– Митька Кошевой, но его на фронт взяли. Сашка Орехин...

Услышав свое имя, тезка Он приоткрыл глаза и что-то промычал.

Зазеркалье запросто не отпускает.

– Товарищ Лютов тож.

– Отлично. Значит, так: завтра, к десяти ноль-ноль я бы хотел поговорить с вами, товарищ Лютов, с тезкой Он, ну, и с документами, какие сыщутся, поработать.

– А сейчас?

– А сейчас поброжу вокруг дома, порасспрашиваю, может, кто видел ведро с цветочками.

– В таком виде?

– Вы правы. Я переоденусь, – и Арехин покинул кабинет.

3

Минут пять стояла полная тишина, и лишь когда «паккард» отъехал, Лютов сказал:

– Ну и фрукта к нам прислали. Ничего, и не таких кушали.

– Ты, Гришка, погоди.

Оболикшто достал из ящика стола телефонный аппарат, подключил его к проводу, крутил ручку, дул, в общем, заклинал, как полагается.

Наконец, его соединили с нужным человеком.

Он говорил громко, но по-латышски. Потом бережно повесил трубку. Сел поудобнее и задумался.

– Ну, – нетерпеливо спросил Лютов. – Что узнал?

– И много, и мало. Темнота наша, темнота. Арехин этот, оказывается, большой игрок.

– Шулер? Маркер?

– Шах-ма-тист – по складам, дабы придать значительности, сказал Оболикшто

– Ну, шахматист, что с того?

– Ничего. Родители – богачи были, миллионщики.

– Они революции помогали, вроде Мамонтова?

– Этого я не знаю. Знаю зато, что значат его «чрезвычайные полномочия»

– Да? Что же?

– Если он захочет, то и тебя, и меня, и любого третьего-пятого шлепнет, и отчета ни перед кем держать не будет. Такое ему дано право.

– Кем?

– Сам думай.

– А если того... опередить?

Оболикшто тяжело посмотрел на Лютова.

– Только по старой дружбе и только в первый и последний раз – ты не говорил, я не слышал. А вообще за подобные слова тебя не я – Сашка Орехин шлепнет и награду получит. Только за слова, понял?

– Понял, – сказал Лютов.

– Ой, врешь. Сам я ничего не понял. Просто – держись с ним, как с бомбой. Очень-очень ласково. И старайся поперек ему не только слова не сказать – не дышать даже.

Лютов задумался.

Не дышать, не дышать... Пулю в голову и весь сказ. Подговорить кого, а вернее – самому. Еще один наш товарищ пал в кровавой борьбе с бандитским элементом. И – на кладбище.

Рано. Да и вообще – правильно говорит Оболикшто, хоть и сути не понимает. Время вести себя тише воды, ниже травы. Бомба, она не разбирает, рванет – ищи клочки по закоулочкам.

Оболикшто с огорчением смотрел на Орехина. Совсем пить молодежь не умеет. А не умеет – пусть не пьет! Хотя понять можно – трупы, смерть, безобразия на каждом шагу. Но ведь новый-то – даже глазом не моргнул. Привычный, видно.

Он отослал Лютова домой (тоже фрукт хорош, да где ж лучшего взять) а сам пошел в комнату без номерка, где ночевал в особо хлопотные дни.

Ни одного не особо хлопотного дня за время его службы в МУСе как-то не случилось...

4

А загадочный Арехин отпустил «паккард» на Пречистенке, скользнул в арку, прошел двором, и исчез в подъезде, охраняемом крепким парнем при свистке и винтовке. Снял калоши, поднялся по лестнице, устланной не новым, но очень чистым ковром вверх, на третий этаж.

Обратно он спускался по лестнице черной, уже без ковра, но тоже с охранником у входа. Или выхода?

Узнать Арехина чужому глазу сейчас было трудно: вместо франтоватого господина спускался мастеровой, впрочем, одетый в офицерскую шинель. Где он эту шинель взял, лучше бы не допытываться, для успокоения совести считать – на базаре выменял. Вот на голове – непорядок, не фуражка, а обычный треух. Не так форсисто, зато тепло.

И шел по улице не офицер, а типичный пролетарий, спина немного сторблена, походка косолапая, руками машет не в лад, словно спорит сам с собою. Грузовичок с полувзводом расстрельной команды проехал мимо, не обратив на прохожего никакого внимания. Патрульные, закуривая в подворотне, тоже пропустили человека. Три подозрительные личности в подворотне напротив насторожились было, но спустя мгновение решили – шинелишка фронтальная, латаная. Кота и то выгоднее стричь. Пусть идет.

Арехин и шел, то похлопывая друг о друга зябыми на ночном ветре руками, то опуская их в рукава шинели для согрева (на самом деле – чтобы бдящие в ночи считали, что для этого фразера руки в карманах держать дело привычное).

Он дошел до дома купца Красинкова, когда дневная жизнь замерла полностью. В дом он не пошел, ни к чему, а постучался в ворота дома напротив. Дом этот был на два этажа ниже Красинковского, да и вширь тягаться не мог. Еще давеча Арехин заметил, как жадно глядит дворник противного дома на них, и решил, что между домами, и, следовательно, между дворниками, существует соперничество. Это случается везде: соперничают церкви, соперничают полки, соперничают магазины, гостиницы, трактиры, театры... Доходные дома никак не могли быть исключением.

Стучал в ворота Арехин не деликатно, а нагло, потому как право имел: в этом доме у него зазноба жила, Людка Лядова, что прежде горничной была при генерале Попкове, а теперь сама барыня и занимает цельную комнату в прежней господской квартире.

Дворник сердито ответил, что у них сроду не было никакого генерала Попкова, и потому свою Людку надобно искать в другом месте. Как в другом, натурально возмутился Арехин, это дом Волобуева, так? Не так, это дом тайной советницы Брашковой, что прежде писалась Бранненберг, если по старому, а по-новому дом номер четырнадцать по улице то ли Бебеля, то ли Блюхера, три раза уже переименовывают, запутался в конец. А дома Волобуева никакого в округе нет, он двадцать лет здесь служит, все знает. Обманула тебя Людка, солдатик. Раз так, то черт с ней, с Людкой, согласился Арехин, таких Людок в любом месте дюжина на двенадцать. Одно плохо – он у нее переночевать хотел. У самого-то жилье есть, да на другом конце Москвы, почитай. Далеко идти, и по ночному времени не хочется. Ограбят, что ли, усмехнулся дворник. А хоть и ограбят, у кого ничего нет, тому и портянка счастье. А у него и шинелишка, и одежда, и даже сапоги, пусть топтаны-перетоптаны, а свои. А главное – есть полштофа настоящей очищенной, не ханжи зазеркальной. Он ее с Людкой хотел распить, а теперь просто неизвестно, что и делать.

Распить можно и без Людки, оживился дворник, если только полуштоф не брехня.

Какая ж брехня, – обиделся Арехин, показал бутылку прежних времен и пошел прочь. Собаки брешут, да и то на чужих.

Дворник побежал догонять, извиняться, действительно, ошибся, за шантрапу принял, много такой развелось, дом напротив заплотонили, как тараканы, хотя он и прежде, тот дом, был невысокого пошиба. А теперь видит, хороший человек, как там тебя, солдат.

– Алапин я, Сашка Алапин. Но...

Не дав договорить, дворник схватил Арехина за рукав.

– Побудешь у меня в дворницкой до утра. Время позднее, лихое, а у меня тепло.

В каморке дворник без церемоний понюхал тут же откупоренный полуштоф: ну, как в старую бутылку нальют клопомора, или того хуже – воду.

Но это оказалась не вода, не разбавленный спирт, а смирновское вино номер сорок. Сразу засуетившись, дворник обмахнул табурет, пересадил на него дорогого гостя, на стол постелил газетку, порезал лук и – тонко-тонко – хлеб, поставил две железнодорожные рюмки. Вдохнув для естественности, Арехин добавил сверточек пергаментной бумаги, где оказалось с полфунта сала.

Пока совсем уже восторженный дворник искал в шкапу чистое блюдо, Арехин налил в рюмку дворника водку, а себе из графина – воды.

Выпили, как положено солидным людям. Дворник крикнул от удовольствия, Арехин непритворно поморщился – вода в графине была стоялая.

– Что, хороша?

– Хороша. Только я после контузии. Перебрать боюсь – припадки бывают.

– А ты понемножку, понемножку, через раз. Припадки, они плохи, – скрывая радость, сказал дворник.

– Чего уж хуже...

Пили, закусывали, поглядывали сквозь окошко на дом купца Красинкова.

Арехин беседы не торопил, даже подремывал. Дворнику было все же неловко, что он и ест, и, главное, пьет много больше принесшего водку сотрапезника, и он старался отплатить разговором. Как честный человек, о жильцах своего дома он говорил либо хорошо, либо ничего, но насельникам дома купца Красинкова досталось изрядно. Да вот хотя бы давешний случай – пришел полюбовник к учительнице, что в пятом этаже, да голову и отрезал. Из ревности, верно. Дома в аквариум положит, где прежде рыбок золотых держал, вольт спирта музейного и любоваться будет.

Какой полюбовник? Им, красниковским, может, и невдомек, а ему отсюда все видно. Прогуливался с учительницей. Нет, не часто. А внутрь, в дом, и вовсе редко заходил. Но вот накануне как раз и вошел. А под утро – давешнее, вышел. С ведром. Он еще удивился, но подумал – на толкучку понес, самой учительнице неловко, а он человек, по всему видно, бывалый, может, и променяет на что нужное, ведро-то красивое, с цветами. А главное, тяжелое, не пустое. К учительнице иногда старичок заживает, рассказывают, ее крестный, из пригорода, продуктами помогает, пшеном там, еще чем. Он и подумал, что в ведре пшено. Потом только узнал, что не пшено, а голова полюбовницы. Нет, говорить он ничего не говорил, да его и не спрашивали. А и спросили бы – ну, человек, как человек, обыкновенный, бесприметный. Конечно, у него глаз дворницкий, наметанный, но ведь сейчас не прежние времена. Расскажешь, а тебе ни уважения, ни почета, ни награды. Еще, глядишь, собственной головы лишишься. Нет, на улице на такого не нападут, ни ночью, ни днем, это вряд ли. Вид не тот. Злой вид. Человек порошу нюхал, бараном стоять не станет. Вот и тебя поначалу, издали, за того принял, извини. Ближе разглядел – тот малость повыше будет, пошире в плечах, усики тоненькие, в синеме такие только у негодяев.

Но усы что, усы сбрить можно, главное – глаза у того – у...

Арехин разочарованно вздохнул: увидеть цвет глаз отсюда, из дворницкой, да еще в сумерках или ночью не было никакой возможности. Сочинял дворник. А если сочинял про глаза, значит, и про остальное сочинял.

– Глаза эти, – продолжал уже изрядно захмелевший и от питья, и от еды дворник, – сам бы не видел, не поверил. Так обычные, ничего не скажу, отсюда не разглядишь, но когда под утро выходил с ведром, зыкнул – а они светятся, будто у собаки. Или у волка.

– А ты что не спал? Под утро-то?

– Под утро – самая дворницкая работа и начинается. То есть начиналась по старому времени. Я и привык затемно вставать.

Дальше дворник еще многое рассказывал, но Арехин и в самом деле задремал – после «горящих глаз» он таки выпил рюмку-другую смирновского вина. Уснул, разомлев, и дворник. Но встал в пять утра, куда-то выходил, что-то делал. Не соврал, значит, про дворницкую привычку.

Распрощавшись с дворником (тот, совестливый, норовил сунуть в карман постояльца еще не пустой полуштоф, но Арехин великодушно оставил бутылку – мол, я сам мало пью, из-за контузии, нес-то больше для Любки и ее родни), он к семи был дома, на Пречистенке, принял ванну, добрал немножко сна в своей постели, после чего, позавтракав по-английски, телефонировал в гараж и к десяти подкатил на «паккарде» к зданию уголовного сыска.

Дежурный, в отличие от вчерашнего дня, из зазеркалья вернулся, но страдал, и по этой причине на Арехина внимания опять не обратил. Зато товарищ Оболикшто, едва только Арехин зашел в комнату номер семь, приветливо улыбнулся и показал на канцелярский стол:

– Вот вам и рабочее место. Можно даже кабинет выделить, если хотите, но предупреждаю – с отоплением у нас плохо. То есть совсем почти никак.

– Ничего. Греться и размышлять буду здесь, а допрашивать – это, действительно, нужен отдельный кабинет.

Сидевший на диване Лютов усмехнулся:

– Мы к допросам привычные, нам скрывать от товарищей нечего. Да и помочь сможем, если джое крепкий попадется.

Арехин, чуть склонив голову (склонял ее он только обращаясь к Лютову), сказал:

– Я больше о допрашиваемых пекусь. Одно дело с глазу на глаз переговорить, а другое – при свидетелях

– Вам виднее, – ответил Лютов. – Вы образованный, глядишь, и нас чему-нибудь научите.

– Ты, Сашок, сходи, Зиновка, верно, бумажки уже подготовила, – обратился к тезке товарищ Оболикшто. – Зиновка – это наша делопроизводительница, – пояснил он для Арехина.

– Да мы вместе, – решил Арехин. – Нужно же познакомиться.

– Пожалуйста, пожалуйста, – Оболикшто улыбался, словно радуясь предстоящему знакомству Арехина и Зиновки.

Зиновкой, то есть Зинаидой Андреевной Мертваго оказалась женщина лет сорока, коротко стриженная, курившая папиросы «Бокс» и десятью пальцами печатавшая на «Ундервуде» триста знаков в минуту.

Интересно, где она берет столько знаков?

Формальности зачисления на службу Александра Александровича Арехина заняли сущие пустяки – все бумажки готовы, лежали в нужном месте и в нужном порядке. И отпечатаны отлично, Арехин знал в этом толк.

– А вот документов по делу «замоскворецкого упыря» у нас немного, – сказала она Арехину, когда он официально стал полноправным сотрудником Московского уголовного сыска.

– Замоскворецкого упыря?

– Два первых убийства были совершены в Замоскворечье, отсюда и пошло.

– А остальные?

– Всего их было не менее шести – тех, о которых известно уголовному сыску. Все они – здесь, – она передала Арехину тоненькую папочку.

Он поблагодарил Зинаиду Андреевну, вернулся с папочкой в кабинет. Вместе с ним вернулся и тезка на букву Он.

Ну-ну.

Арехин сел за новый стол (на самом деле стол был старый, но крепкий, такой, если не рубить на дрова и на баррикады не тащить, прослужит дольше, чем династия Романовых).

Листков в папке было немного. Это не были следственные документы в том виде, в котором он привык их видеть во время практики. Это не были документы вообще. На бумаге, порой оберточной, карандашом писалось, что-де в доме таком-то в собственной квартире найден гражданин Янушевский М. из бывших буржуев, но без головы. Кто эту голову отрезал, никто не знает и ни на кого не показывает. Все.

Иногда встречались, правда, имена соседей, которые, как водится, ничего такого не видели и не слышали. Что ж, по крайней мере у него есть шесть фамилий и шесть адресов.

Со вчерашним случаем – семь. Началось все в мае этого года, сейчас на дворе конец ноября.

Переписав фамилии и адреса жертв в блокнот, он поднялся:

– Пойду, проверю кое-что...

– Конечно, конечно. Только вот что... Мы вам и помощника выделили, не только стол. Пусть приглядывается, учится. А вдруг что случится, и сам поможет, он бедовый.

– Полагаю, речь идет о моем тезке, Александре Орехине?

– Точно. Или вы возражаете? – осторожно спросил товарищ Оболикшто.

– Нет, не возражаю, напротив, очень рад. Александр, – обратился он к Орехину, – ничего, если я вас буду звать только по имени?

– Сашкой зовите, как все...

– Нет, нет, совершенно невозможно взрослого человека звать Сашкой. Особенно сейчас, после революции.

– Революции?

– Именно. Прежде Сашками да Палашками хозяева своих холопов звали, мол, те, хоть и выросли, а умом сущие дети, несмышленные, глупые и простодушные. Теперь время другое. Нужно уважать и себя, и других.

Лютов открыл было рот, верно, сказать что-то ехидное, но Оболикшто посмотрел на него так, что рот сам собою и закрылся.

– Так что, Александр, пят минут на сборы, да и в путь.

– Да мне и собирать нечего. Все при себе, – и он похлопал по кобуре мазера.

– Ну, мало ли... В ватерклозет сходить. Кстати, где здесь ватерклозет? День впереди долгий, как там оно обернется...

Спустя пять минут они усаживались в блестящий на скудном солнышке «паккард». Водитель, в ожидании Арехина, прохаживавший перед автомобилем, распахнул перед ними дверь, убедился, что всем все удобно, и лишь затем прошел на свое место.

5

Арехин в каучукую полую трубку, соединяющую салон с водительской кабиной, назвал первый адрес, и они поехали.

– Хорошая машина. С царских времен, поди, – сказал тезка О.

– Водитель с царских времен. При великих князях стоял. А автомобиль – собран в мае по специальному заказу нашего правительства.

– То есть как? Буржуи дают нам автомобили?

– Не дают, а продают. Очень просто. Из России послали телеграмму, так, мол, и так, нужен особенно хороший автомобиль, за ценой не постоим. Те доводят машину до самонаилучшего состояния, грузят на пароход и посылают в Санкт-Петербург. Там его перегружают в товарный вагон и везут в Москву. А в Москве кому доверить такую технику? Лучшему шоферу. А лучший шофер сейчас Арсений Иванович, прошел выучку за границей, еще при царе, человек делу преданный, машину любящий. Вот и работает.

– А вам-то как машину дали?

– Считай, одолжили, на обкатку. Временно. Машине нужно столько-то верст набегать, не очень много, чтобы детали притерлись, дефекты выявились, третье, четвертое. А потом с чистой совестью сказать: все в порядке, дорогие товарищи, машина исправна. Можно, конечно, вместо людей кули с мешками возить, но как-то нехозяйственно будет. Вот мне и разрешают иногда попользоваться.

Ответ тезку Он если и не удовлетворил, то уgomонил: он замолчал и только жадно выглядывал из-за шторки, которой было прикрыто окно.

– Шторки трогать не нужно, – предупредил Арехин, но почему открывать нельзя, не сказал. Вот и оставалось глядеть в узенькую щелочку.

Глядеть, впрочем, долго не пришлось, домчались быстро.

Орехин ходил за Арехиным по пятам, слушал, как тот расспрашивал у соседей или родных жертв самые разные тонкости – кем работали при царе и после, где учились, с кем дружили, близко, неблизко и совсем неблизко. Уже ближе к вечеру наведались они и во вчерашнее место, и опять Арехин расспрашивал дотошно все о том же. Сестра убиенной только-только с кладбища воротилась, шесть человек с нею было, на столе – скромная закуска, поминки, все же. Но Арехин, уверяя, что отнимет времени самую малость, отводил каждого в угол и беседовал минут по десять, если не дольше. И так шесть раз. По старинке действовал. Сашка просто маузером по столу бы грохнул, да в глаза посмотрел. Убийца обязательно дрогнет, не выдержит пронзительного взгляда Сашки. Но у Арехина взгляд простой, добродушный, да и маузера никакого...

И только истомив всех (Сашка, который скромно сидел в углу на табуретке, аж взопрел, хотя печь и не топилась), Арехин распрощался, оставив людей поминать покойную, да и себя тоже. По-разному поминать.

– Домой, – сказал он в переговорную трубку.

В салоне «паккарда» он откинулся на шикарные кожаные подушки и всю дорогу молча перелистывал блокнот. Сашка мог поклясться, что делал он это ради важности, потому что глаза тезки Аз оставались неподвижны, смотрел он не в блокнот, а куда-то дальше. Или, наоборот, ближе. В себя смотрел. Думал, наверное. О чем только?

«Паккард» остановился, но Арехин еще минуты две сидел неподвижно, потом очнулся, тряхнул головой.

– Думали, товарищ Арехин? – осторожно спросил Сашка.

– Пытался, – коротко ответил Арехин.

Бравый Арсений Иванович распахнул дверь автомобиля. К удивлению Сашки, они приехали не в МУС, а в совершенно незнакомый двор – тихий, чистый и очень порядочный – в смысле, что все вокруг было в полном порядке, никаких поваленных скамеек, надписей на стенах, подтеков мочи и куч говна. Окна – веселые, с нарядными шторами. Ну, будто в старое время вернулись.

– Не удивляйтесь, Александр. Этот двор – подобие эталонного метра. Хотят экспериментальным путем проверить, когда быт пролетарский догонит и перегонит быт буржуазный. Чтобы было с чем сравнивать, дом содержится, словно бы и не было революции.

И действительно, даже на фартуке дворника, запиравшего за «паккардом» ворота, блестя начищенная бляха.

– И живут здесь по-прежнему буржуи? – спросил ошеломленный Сашка.

– Частично. Специалисты, престарелые, дети – поправил тезка А. – Но и пролетарии, конечно, тоже. Какой же дворник или слесарь буржуй?

– И – не уплотняют?

– Ни-ни. Строжайше запрещено. Захочешь друга подселить, родственника, даже отца с матерью – не сможешь. На ночь остаться, максимум на две – ладно, а потом – ступай восвояси. Иначе через месяц дом пропадет, в теремок превратится, как в сказке...

Они подошли к парадному крыльцу, где швейцар открыл дверь.

Сашка, поглядев, как Арехин и водитель оставляют калоши под лестницей, смутился – у него калош не водилось. А кругом чисто, на лестнице ковер, прутья медные горят, ни соринки.

– Ничего-ничего, – ободрил Арехин. – Погода сухая, да и мы не сколько ходили, сколько ездили.

Вытерев подошвы о специальный щетинистый половичок, Сашка поднялся в третий этаж. Зачем они сюда идут, он не догадывался, но смотрел в оба – знал, что товарищу Оболишпо каждая мелочь пригодится.

Оказалось – пришли они передохнуть и пообедать.

Обед подали прислуга. Сначала Сашка растерялся от лишних вилок да ложек, но потом, глядя на шофера, приноровился. Хотелось спросить, откуда провизия, но постеснялся.

После обеда водитель вернулся к «паккарду» – ему там удобнее, и вообще – глазок-смотрок. А Сашку тезка Аз провел в библиотеку. Книг – пять шкафов, каждый преобладающий. Нет, здесь ни книгами, ни шкафами не топят. Пока.

Да и не протопишь, большая комната, потолки высокие, в лепнине. Арехин усадил Сашку в кресло, сунул в руки журнал «Всемирный следопыт» а сам сел напротив.

– Я немножко отдохну, вы уж извините, Александр. Можете тоже подремать, если хотите, диван полностью в вашем распоряжении.

Зачем диван, кресло само было как диван – большое и мягкое. Но дремать Сашке не хотелось, оставалось листать журнал. Если честно, в грамоте Сашка был не силен, по складам кое-как читал, но дела этого не любил. Привычки не выработал. Где же ее вырабатывать, с восьми лет в людях.

Арехин сел в другое кресло, целиком деревянное, жесткое и неудобное, взял со стола газеты и стал читать. Или картинки разглядывать, больно уж быстро он переворачивал страницы.

Сашка тихонько вздохнул: делом нужно бы заняться, а они барствуют, газетки листают, журнальчики.

Арехин вздох этот услышал, опустил газету и сказал:

– Сыщику необходимо читать газеты. Профессиональная обязанность. Особенно письма граждан и ответы на них. Вот, например, заметочка: в газету пришло письмо, подписанное академиком Павловым с жалобами на то, что в доме сорок два по улице имени товарища Троцкого постоянно отключают свет, тем самым мешая нормальной работе академической мысли.

Письмо это редакция направила в Цекубу, где ответили, что академик ни в доме сорок два, ни в каком ином доме по улице имени товарища Троцкого не проживает, и, следовательно, письмо это – подделка. Газета делает вывод: есть у нас несознательные граждане, которые, прикрываясь именами ответственных людей или больших ученых, пытаются улучшить свое личное положение.

– А кто такой цекубу – спросил Сашка более для поддержания беседы, поскольку ему лично все эти жалобы на отсутствие света казались смешными. Люди больше боятся, когда свет включают – значит, в квартале проводятся обыски и реквизиции.

– Цекубу? Центральная комиссия по улучшению быта ученых, – Арехин отложил газету, взглянул на большие напольные часы:

– Приват-доцент Христофор Теодорович Пеев к этому времени обещал вернуться с похорон и ждать нас.

– Пеев? Это который сегодня был на поминках?

– Именно. И вчера в квартире вместе с сестрою убитой тоже. Впрочем, вчера вас, Александр, там не было.

– Да я... С устатку...

– Пять минут на сборы, и едем к приват-доценту. Поговорить по душам, – объяснения Сашки мало интересовали Арехина.

Поговорить Сашка был не против, только ведь опять говорить будет не он, он будет слушать. Весь день только слушать – утомительно. Когда ж бандитов ловить станем, убийцу этого?

Приват-доцент работал в небольшом госпитале на Каретной, и жил тут же, во флигеле, в маленькой, но отдельной комнатке.

Встретил он Арехина с Сашкой без страха, даже с облегчением:

– Я, признаюсь, ждал вас раньше.

– Раньше? – Арехин достал из кармашка часы, золотые, с музычкой. – Но мы договаривались на девятнадцать тридцать, не так ли?

– Да, да, вы совершенно правы. Раньше – я подразумевал неделю назад, или месяц. Тогда бы и Лизавета, быть может, была бы жива.

– Кто ж вам мешал – поговорить?

– Всякие обстоятельства. Боязнь, прежде всего.

– Боязнь чего?

– Разве мало причин?

– Причину всегда найти можно, – согласился Арехин, – но если доцент не идет к МУСу, МУС идет к доценту. Вот и пришел. Сидит. Слушает.

– Вы кого-нибудь подозреваете? – спросил Пеев.

– Я пока собираю факты, – ответил Арехин. – Собираю, взвешиваю, делаю выводы.

– А я подозреваю, но... Впрочем, сначала я должен показать вам кое-что.

Пеев открыл книжный шкаф. Шкаф был поменьше, чем у Арехина, да и книгам отводилась только казовая, верхняя часть. Нижняя, закрытая, оказалось пустой. Не совсем пустой – там стояла коробка, дешевая картонка.

Пеев достал ее, переложил на стол, открыл. В ней были бумажные завертки, много, с дюжину. Пеев выбрал крайнюю, развернул.

Под бумагой оказался стеклянный сосуд, на шкалик, стекло толстое, крышка широкая, особенная, из-под нее капли не прольется.

А внутри склянки в прозрачной жидкости плавал глаз.

– Человеческий? – спросил Сашка.

– Вполне, – приват-доцент по очереди освободил и другие склянки. В каждой плавало по одному глазу.

– Все это, – показал рукой на коробку приват-доцент, – я получил не разом. Поштучно, так сказать.

– Сразу после убийств? – спросил Арехин.

– Нет, спустя неделю, а то и больше.

– Каким путем?

– Приносили посыльные, обычные уличные мальчишки. Ставили на крыльцо, звонили и убегали.

– А вы... – не договорив, Арехин вопросительно посмотрел на Пеева.

– А я прятал их в шкаф. Наверное, мне стоило пойти в полицию.

– Полицию?

– Первую... посылку я получил в декабре 1916 года. Хотел сразу же в полицию, но меня отговорили. Да я и не упорствовал, признаюсь. У меня по-прежнему болгарское подданство. Сейчас это мало кого волнует, а тогда... Все-таки моя страна воевала против России. Еще не известно, стали бы искать преступника, или схватили бы меня, поминай, как звали.

6

Иностранцы любят украшать язык пословицами и поговорками, подумал Арехин.

– Значит, в полицию не пошли, – уточнил он очевидное.

– Не пошел, – подтвердил Пеев.

– А следующая посылка...

– У меня все записано, – и он протянул Арехину листок. Писалось в разное время, по мере пребывания даров, тому свидетельством были и разные чернила, карандашные записи, наконец, незначительные, но все-таки заметные различия почерка: пишущий волновался всегда, но волновался каждый раз по-другому.

Посылок было больше, чем убийств, известных уголовному сыску. Но те, о которых сыск все-таки знал, пожалуй, попали в список Пеева: тот получал страшные посылки от пяти до десяти дней спустя.

– Почему же убийца посылает их именно вам, Христофор Теодорович?

– Полагаю, этим он хочет меня наказать.

– За что?

– Я не знаю.

– Но догадываетесь?

Пеев замялся. Потом сказал:

– История, вообще-то, долгая...

– Ничего, вы рассказывайте. Даже роман Вальтера Скотта, если убрать страницы о красотах природы, можно пересказать довольно быстро.

– Я... Я – единственный ученик профессора Бахметьева. Вы о нем, конечно, слышали?

– Если вы имеете в виду Порфирия Ивановича Бахметьева, то слышал.

– Да, именно Порфирия Ивановича. Он преподавал у нас в Софийском университете. Студенты его боготворили, начальство недолюбливало: слишком уж необычные идеи выдвигал профессор. Среди них – теория анабиоза, состояния, при котором организм не стареет, а, напротив, омолаживается.

– Это как? – не выдержав, перебил тезка Он.

– Сродни медведям, впадающим в зимнюю спячку, только спячка та куда глубже. Порфирий Иванович считал, что шестидесятилетний человек может уснуть лет на сто и проснуться, биологически соответствуя сорокалетнему возрасту, если не моложе.

– Вот так прямо взять и уснуть? – не поверил Сашка.

– Сон этот – холодный. При отрицательной температуре. Минус пятнадцать по Реомюру. Разумеется, если человека просто взять да и заморозить, он умрет: вода превратится в лед и безнадежно разрушит структуру любой ткани. Но определенные субстанции, вырабатываемые организмом, переводят воду в переохлажденное состояние. Ее температура отрицательная, а она, вода, все равно жидкая.

Если эту субстанцию ввести в организм человека, то он перенесет минус пятнадцать безо всякого вреда для себя, напротив, те изменения, что накапливаются в тканях с возрастом, могут исправиться. Должен сказать, что насчет омоложения профессор не был решительно уверен, но в достижимости долгой и безвредной спячки не сомневался...

– И ему это удалось?

– Отчасти. Он погрузил в анабиоз при минус десяти градусах летучую мышь, и продержал ее в таком состоянии месяц, после чего вернул ее к полноценному существованию.

– Летучие мыши, как известно, и сами впадают в спячку.

– Именно поэтому с нее и начал Порфирий Иванович. Но затем он повторил опыт с кошкой, существом совершенно иной организации. Десять дней при минус десяти градусах – и та ожила, да еще как ожила! Убежала из лаборатории!

– Вы говорите о минус десяти, а вначале упоминали о минус пятнадцати.

– Ведь это только опыты. Для ста лет минус десять градусов мало, а для месяца достаточно. Есть сложности с аппаратурой. И главное, профессора Бахметьева начала преследовать некая секта. Он получал письма с угрозами.

– Откуда вы знаете?

– Я уже сказал – я был его единственным учеником. Порфирий Иванович считал, что и я подвергаюсь опасности.

– Но была ли эта опасность реальна?

– Была, – коротко ответил Пеев.

– Хорошо, допустим. Но полиция...

– Болгарская полиция, вернее, один умный полицейский, хорошо относящийся к профессору, сказал, что реально защитить полиция не может никого, даже царя.

– Что ж, Сараевское дело, да и другие показали, это он был прав, ваш полицейский.

– Обстоятельства сложились так, что профессору пришлось покинуть Софию и вернуться на родину, в Россию. Вместе с ним приехал сюда и я. Профессора пригласили в народный университет Шанявского, он возобновил научно-практическую работу, но в декабре 1913 года скоропостижно скончался. Меня не было в Москве, по просьбе профессора я совершал поездку в Румынию, потому утверждать, что смерть профессора вызвана внешними причинами, не могу, хотя сомнения у меня есть: Порфирий Иванович здоровьем обладал отменным, вредных привычек не имел, его образ жизни любой физиолог назвал бы идеальным, да и шел ему всего пятьдесят четвертый год.

После смерти профессора я, в меру своих скромных сил, продолжил работу учителя. Война, конечно, вредила и здесь: стало трудно заказывать оборудование, которое мы обыкновенно покупали в Германии. Трудно было и с деньгами, впрочем, Институт Экспериментальной Медицины проявил большой интерес к моей работе и финансировал ее довольно-таки щедро, применительно к военному времени.

Но здесь моя несчастная родина вступила в войну на стороне противников России! Я испугался, что меня интернируют и поспешил... поспешил с экспериментом. Я решил погрузить в анабиоз человека. Один из студентов ассистировал мне при синтезе жидкости Ку – так я назвал – временно – состав, открытый профессором Бахметьевым, состав, предотвращающий образование льда в тканях. Так вот, этот студент пришел с войны, на которой получил ранение... довольно неприятное ранение. И он настаивал, чтобы именно ему выпала честь стать первым человеком, испытавшим анабиоз.

А я... Я согласился. Я был уверен в успехе эксперимента и надеялся, что успех упрочит мое положение, и, даже, может быть, исправит представление о Болгарии как стране неблагодарной, бьющей в спину России.

Эксперимент удался. Свою помощь и свою клинику для эксперимента представил другой энтузиаст науки. В университетской лаборатории опыт над человеком я поставить, разумеется, не мог. Это не был глубокий анабиоз, на первом этапе мы ограничились преданабиозом: температура тела была охлаждена до плюс двенадцати градусов по Реомюру. Все физиологические процессы замедлились приблизительно в сто раз.

Спустя неделю мы начали процесс восстановления жизненных функций, и еще через день студент восстал с экспериментального ложа в полном здравии и ясном сознании. Так мне, во всяком случае, тогда думалось. Он был полон энергии, новых идей.

Но на второй день нахождения в клинике студент исчез. Убежал.

Вскоре я получил письмо, в котором студент писал, что задумал истинную революцию: пересадку головы. Если взять умную голову неизлечимо больного человека и пересадить на туловище здорового глупца, писал он, общество выиграет вдвойне – избавится от дурака и сохранит умного. Этим он и решил заняться.

Я не думаю, не уверен, что именно пребывание в анабиозе изменили психику студента. И до того он был личностью странной, эксцентричной. Чего скрывать, сам факт согласия стать объектом эксперимента говорит сам за себя.

Я отложил письмо, не решив, признак ли это психоза или просто неумная шутка. Но тут случилось страшное событие: одного из студентов университета, также интересовавшегося проблемами анабиоза, нашли обезглавленным. Тело его было практически лишено крови. А спустя пять дней я получил первую посылку... – и Пеев указал на одну из склянок с плавающими глазами.

– Вы не назвали имени студента, – негромко сказал Арехин.

– Имени? – Пеев заглянул в блокнотик. – Валентин Кожин, он открывает список жертв.

– Я говорю о другом студенте. О том, кого вы погрузили в холодный сон.

– Холодный сон? Пусть холодный сон. А имя его... Имя его полиции известно. Это Матвей Доронин.

Арехин посмотрел на Сашку, впрочем, больше для порядка. Сашка дернул головой – полиция, как же? Они – не полиция, а революционный уголовный сыск.

– Боюсь, мне... нам об этом ничего не известно.

– Не удивительно. Полицию разгромили в первые революционные дни, погибли архивы, пострадали люди... Насколько я помню, Доронин попался во время второго убийства, его схватили, доставили в полицейский участок, допросили, а потом, при пересылке в тюремный изолятор Доронин бежал, выказав невиданную силу. Трое конвоиров серьезно пострадали.

– У него оказалось оружие?

– Руки. Зубы.

Пеев помолчал, затем продолжил:

– Я потому и не сообщал в полицию об этих посылочках. Знал, что Матвей Доронин в розыске, что именно он – подозреваемый номер один во всех ужасных убийствах. Рассказать, что он посылает мне глаза своих жертв – значило только связать свое имя с убийцей, привлечь ненужное внимание полиции. А я еще и подданный враждебной страны...

Потом свершилась революция, погибли сотни, тысячи людей, в гражданскую счет идет на миллионы. И вот приходите вы, новая полиция новой власти.

– Мы не полиция, – вскинулся Сашка.

– Прошу прощения, – без малейшей иронии ответил Пеев. – Уголовный сыск, конечно. Надеюсь, вы сделаете больше, чем полиция прежнего режима.

– Мы постараемся, – пообещал Сашка.

– Но почему – глаза? И почему – вам? – спросил Арехин.

– Не знаю. Быть может... быть может, он меня не любит. Или, напротив, любит, как понять мысли сумасшедшего? Я считаю, что он каким-то образом пытается оживить головы своих жертв. А когда это не удастся, извлекает глаза, консервирует их, и присылает... Думаете, я сам не ломаю голову, почему – мне?

– А список жертв? Он ничего вам не говорит?

– Некоторые из этого списка были моими студентами.

– А последняя жертва? Елизавета Смолянская?

– Она посещала лекции профессора Бахметьева, но после его кончины прекратила. Мы были знакомы, хотя гораздо лучше я знаю ее сестру Наталию.

Дверь без стука распахнулась:

– Доктор, там больному хуже стало, – позвал санитар. С порога слышалась сивуха.

– Иду, иду, – Пеев поднялся. – Извините, должен вас покинуть.

– Я вас провожу. Только два вопроса. Тот доктор, в клинике которого вы проводили эксперимент, кто он и где он?

– Клиника перед вами, сейчас это госпиталь для раненых. До революции она принадлежала доктору Вандальскому, Петру Николаевичу. Сразу в феврале он написал дарственную на клинику на мое имя – не знаю, имела ли она тогда законную силу, сейчас-то, очевидно, нет. А сам отправился в Финляндию, откуда намеревался перебраться в Швецию, а после окончания войны – в Германию. Ему, специалисту по челюстно-лицевой хирургии, война заготовила работы на многие годы вперед. Вестей от него не имею.

– Доктор, поживее, – нетерпеливо позвал санитар.

– Вот, видите. Страна победившего пролетариата.

– Ну, от санитара-то я вас, пожалуй, избавлю, – ответил Арехин. – Ну-ка, милейший, извольте подойти поближе.

– Это ты мне говоришь, что ли? – с удивлением спросил санитар.

– А разве здесь есть еще кто-то?

– Коли нужен, сам и подходи. Теперь не прежние времена, когда буржуйские вши нами помыкали.

– Ах, подойти. Ну, хорошо, подойду, – Арехин неторопливо приблизился к санитару. Сашка и глазом моргнуть не успел, как санитар согнулся пополам.

– Йййй – тоненько застонал санитар. Тоненько и тихо.

– Ты, дружок, верно сказал, теперь не старое время. Чикаться с тобой некогда и некому. Фамилия?

Санитар пытался ответить, но, кроме судорожного писка, ничего не выходило.

– Зачем вы так? – спросил Пеев.

– Надо, Христофор Теодорович, надо. Вы идите к больному, действительно, вдруг медлить нельзя, а я с санитаром немножко побеседую. Идите, – сказал он тихо, но вышло, что не подчиниться нельзя.

Пеев только вздохнул, бочком проходя мимо согнутого санитара.

– Итак, повторяю – но только один раз. Фамилия?

– И... Иванов, – с трудом выговорил санитар.

– Иван Петрович, Курской губернии, Щигровского уезда, Каменской волости, деревня Лыково?

– Так точно.

– Что ж ты, Иван Петрович, ворует? И у кого, у своего брата-пролетария?

– Ни... Никак нет...

– Нет? Не верю. Ну-ка, братец, вставай.

С трудом, но санитар стал во фронт.

– Ну-ка, левый карман выверни, быстро!

– Я... – но, взглянув на Арехина, зачастил: – Это я больным нес, да позабыл...

– Ты выворачивай, выворачивай. Нет, не так, дай-ка, я тебе помогу.

Карман у санитара оказался хитрый: ко дну его был пришит узкий, но длинный мешочек, набитый бинтами, коробочками, пузырьками.

– По законам революционного времени за кражу медикаментов, предназначенных для солдат-красноармейцев... – деревянным, казенным голосом начал Арехин

– Пощадите, – рухнул на колени санитар, – пощадите, Александр Александрович, заставьте век Богу молиться за вас.

– Признал? – усмехнулся Арехин.

– Признал, ваше высокоблагородие.

– И ждешь, что – пощажу?

Санитар не ответил, только всхлипнул.

– Ладно, иди. Я подумаю, – махнул рукой Арехин.

Санитар поднялся и, сгорбленный, на полусогнутых ногах, вышел за дверь.

Сашка молчал, дивился.

– Вот так, Александр. Мир тесен, а натура человека неизменна. Кто до революции крал, тот и сейчас крадет, если возможность видит. Ну, ладно, больше нам здесь делать нечего. Держи, – он дал Сашке коробочку со склянками.

– А... А зачем они?

– Вещественные доказательства.

7

Что такое вещественные доказательства, Сашка не знал, но звучало серьезно. Он вертел слова и так, и этак. Получалось просто: вещи, которые что-то доказывают. Что? Кто-то убивает людей, отрезает их головы, затем вырезает человеческие глаза, кладет их в склянку, заливает музейным спиртом и посылает доктору Пееву.

Сидя на кожаных подушках «паккарда» он поделился соображением с тезкой Аз.

– Не факт, Александр, не факт. Не факт, что глаза эти взяты у жертв. Не факт, что брал их тот же человек, кто совершал убийства. Не факт даже, что все убийства совершал один и тот же человек. Не факт, что их посылали доктору Пееву.

– Но он сам говорил...

– Вот именно – говорил. О посылках мы знаем только со слов доктора. Но вдруг он сам собрал эту коллекцию?

– Доктор и есть замоскворецкий упырь?

– Не факт. В госпитале, где он работает, люди умирают постоянно, слишком тяжелые ранения они получили на фронте. Никакого криминала. Ну, вот Пеев и решил заняться коллекционированием.

Слово «коллекционированием» Сашка не знал, но смысл понял. Собирает глаза на память. В детстве брат его ракушки собирал, что на берегу реки в песке находил. А этот – глаза. Сумасшедший, что ли?

– Нет, Александр, ваша мысль о том, что глаза присылал убийца, вполне здрава, ею мы и будем руководствоваться. Но не следует забывать: есть и другие возможности. Много других возможностей...

– Взять этого Пеева, да поговорить с ним по душам, вот как вы с санитаром.

– Санитара я взял с поличным. Поймал на краже то есть. А ударил...

– Сгоряча, я понимаю.

– Сгоряча? Никоим образом. Доктора Пеева санитар просто третирует. Да и других докторов тоже. Хам и после революции – все хам. Сейчас санитар Иванов боится. Через полчаса начнет злиться. К вечеру начнет хорохориться и подначивать дружков-приятелей напакостить доктору Пееву всерьез.

– Пожалуй, так и будет.

– Но завтра дружки-приятели узнают, что санитар Иванов исчез. Сгинул. И они трижды подумают, прежде чем начнут пакостить и воровать. Я не питаю иллюзий – пакостить и воровать они все равно будут, натуру не изменишь, но делать это будут тайно и куда более скромно, нежели сейчас.

– Сгинет? То есть...

– Нет, расстрельную команду я посылать к нему не стану. Просто завтра утром на фронт отправляется новая часть, которой не помешает опытный санитар. Этим санитаром и будет наш Иванов. Ночью к нему придут и того... срочно мобилизуют. Пусть защищает власть рабочих и крестьян.

– А... А вы его знали прежде, Иванова?

– Да. Он служил в моем отряде. И тогда он тоже крал медикаменты, и сбывал их в обмен не на водку даже, а на золото.

– Это – до революции?

– До революции, до революции, – Арехин откинулся на кожаную подушку сидения. – Вы, Александр, в электричестве разбираетесь?

– Нет. Ни капельки, – ответил Сашка.

– Я, к сожалению, тоже не специалист. Но у меня есть товарищ, дельный инженер. Он нас натаскает немножко. Краткий курс революционного электротехника.

– Зачем?

– Во-первых, в жизни очень даже пригодится. Электротехник будет самым уважаемым человеком в России. Может быть. А во-вторых, нам предстоит стать на время электротехниками.

Следующие четыре часа они провели в Мастерских Всероссийского Электрического общества, где молодой инженер рассказал и показал столько, что у Сашки голова если не распухла, то поумнела наверняка. Как и влезло. Они с тезкой Аз даже попрактиковались: умными приборами мерили напряжение, силу тока, зачищали и соединяли провода, меняли плавкие предохранители, чинили розетки, разбирали патроны, выковыривая цоколи разбитых лампочек...

– Ну, первую ступеньку, приступку в электричестве вы освоили, – сказал на прощание инженер-электротехник, – поучиться бы вам, молодой человек, побольше, тогда...

– А много нужно в электричестве учиться? – спросил он тезку Аз, когда они покинули мастерские.

– Как и в любом другом деле. Всю жизнь.

– Это да, у нас в селе мастера так и говорят – жизнь живи, жизнь учись.

– А что за село, Александр?

– Шаршки, может, слышали?

– Слышал.

– Но вот чтобы работать электротехником?

– Понравилось?

– Интересно просто.

– Как учиться. И как учить. Есть курсы, скоро их будет больше. Но на курсах людей много, учителя разные. Мы за день получили знаний довольно, но практика нужна, навык.

До трех часов ночи, теперь в МУСе они продолжали практиковаться: с собой им дали инструменты, провода, лампочки, патроны и прочую мелочь. С возвратом, конечно.

– Для этого дела оно, возможно, и не понадобится, но мы должны выглядеть уверенно. Потому – учиться, учиться и еще раз учиться, – сказал тезка Аз.

Руки у него хоть и белые, однако ловкие. Ничего, Сашка тоже наострил. Вот победят преступность, он в электротехники пойдет.

Остаток ночи ему снились провода, амперы и вольты – последние почему-то в виде белок голубого цвета, пускающих искры во все стороны.

Поутру (спал Сашка в дежурке МУСа, слишком поздно кончили практику, чтобы идти домой, да и не дом у него, а так, каморочка в бараке) тезка пришел, одетый не щеголем, как прежде, а попроще, хотя и добротно, не в рвань. Под пальто (интересно, сколько у человека может быть пальто после революции?) на нем была форма работника Мастерских Всероссийской Электрической Компании – ношенная, но чистая.

– Диспозиция такова: сейчас мы идем проверять дома. Я мастер-электротехник, ты мой ученик. Тебе, как ученику, положено молчать, смотреть мне в рот, выполнять все мои указания, а на вопросы любого рода от разных граждан отсылать к мастеру, то есть ко мне.

– Но – зачем?

– Будем искать замоскворецкого вампира.

– Оружие брать? – деловито спросил Сашка.

– Оно бы и неплохо, но... Нет. Ваш маузер, Александр, не спрячешь, а электротехник с маузером – это даже по революционному времени слишком изысканно. И потом – я сказал искать, а не задерживать.

– А как мы будем его искать?

– Да просто. На ловца и зверь бежит, особенно если у зверя неполадки с электричеством.

– Но почему вы, Александр Александрович, решили, что у него неполадки с электричеством?

– Потому что они – неполадки – сейчас у всех. У кого электричество осталось. Электростанции простаивают. Разруха. Саботаж. Топлива не хватает. Даже в Кремле вожди порой при свечах работают. А тут – научное исследование, пересадка головы. Очень возможно, что упырь использует аппаратуру, приводимую в действие электричеством. И потому неполадки для него – острый нож в чужих руках. Но как с ними, неполадками, справиться? Вот и пишет в газеты, прикрываясь именем академика Павлова.

– Как вы догадались, Александр Александрович?

– Видите ли, тезка, я именно догадался. А догадка – штука крайне ненадежная. Может, верно догадался, может – ошибся. Сидеть и гадать – дело пустое, нужно проверить. Поэтому и пойдут в дом номер сорок два, что на улице вождя товарища Троцкого два электротехника проверять, как в означенном доме обстоит дело с электрификацией.

Шли они пешком. То ли отобрали машину у тезки Аз, то ли просто электротехники, подкатывающие к дому на «паккарде» – перебор почище маузера.

Дом по московским меркам оказался небольшим, в два этажа поверх полуподвала. Небольшим и неорганизованным: предкомдомуправа не было, вернее, был, но один на два дома, на сорок второй и сороковой, но все равно не было – уехал на день в деревню. Или на два, как получится. Заместителем его оказалась молодка, бойкая, но насчет сорок второго дома мало что знающая: дом этот был-де в каком-то городском резерве, то ли учреждение в нем открыть собирались, то ли детский дом, или дом для инвалидов-красноармейцев, толком она не знала, да и никто, по ее словам не знал. Жильцов там мало, потому что не подселяют, чего подселять, если в любой день придется расселять, и потому они в домоуправлении сорок вторым домом почти не занимаются, жильцов знают слабо, хотя к общественным работам, безусловно, привлекают.

Александр Александрович покачал головой, но сказал, что выполнить указание начальства, проверить электропроводку и все остальное по электрической части – должен. Вдруг и правда детдом, детдому проводка нужна исправная. По просьбе бойкой молодки, починил выключатель. Тут и другие жильцы потянулись, стали просить починить другое-третье. Арехин велел им составить списочек с указанием квартир и подробным описанием неисправностей, оставить его, списочек, в домоуправлении, а они, электротехники, как с сорок вторым домом покончат, зайдут и сделают, что смогут, но смогут немного – материала не хватает. Разруха.

По пути в сорок второй дом Сашка хотел спросить, зачем тезка Аз чинил выключатель и вообще заходили в домоуправление, но передумал. У них в селе рассказывали, что упырь слышит, как волк, шепот на версту. Оно, конечно, упыри суеверие и предрассудок, но ведь до сорок второго дома не верста, да и вообще – люди кругом, нехорошо, если поймут, что электротехники они не настоящие.

Тут ему в голову и ответ пришел – сам додумался. Александр Александрович ведет себя, как настоящий электротехник. Вдруг упыря в доме нет, в отъезде или просто по своим упырячим делам ушел, так ему соседи про все и расскажут, какие электротехники, да как вели себя, да что делали. Ели он заподозрит что – ищи-свищи. А не заподозрит – завтра сам прибежит в соседний дом ловить электротехников насчет ремонта.

Сорок второй дом оказался почти безлюдным. Сашка, живущий в каморке (а каморка крохотная) подосадовал, сколько жилплощади зря пропадает. Тут же не только нет уплотнения, как в доме Александра Александровича, тут половина квартир пустая, больше половины.

Но с домом Александра Александровича сравнения никакого. Там – осколок прежней жизни, достаток, порядок, сытость, здесь же – запустение.

Однако не полное: работать пришлось всерьез. Жаловались и на поломанные выключатели, и на перебои с электричеством, и на текущие краны и на засоренную канализацию.

От кранов и канализации Александр Александрович твердо открестился, но проводку смотрел внимательно, что-то записывал в блокнот, а выключатели разбирал, смотрел и чинил. Давал работать и Сашке. Сашка в грязь ни лицом, ни чем другим не ударил и часа на два даже забыл, что пришли они сюда не только, как электротехники.

А тезка не забыл.

– Здесь тихо, спокойно. Не знаю, надолго ли, – говорила дореволюционного вида старушка. – Самовольно некоторые пробуют вселяться. Без разрешения. Хорошо, у нас жилец есть решительный, настоящий мужчина. Дает отпор. Без крика, без шума, просто посмотрит в глаза, скажет пару слов – и те уходят. Наверное, чекой грозит. Он на чекиста очень похож, но чекист ли, нет – Бог знает.

– Это из семнадцатой квартиры?

– Нет, из ноль-пятой. В полуподвале которая. Прежде там дворник жил, да сразу после революции с семьей исчез. Уехал, наверное, к себе в Казань. Странно, по нынешним временам чекист бельэтаж себе без споров возьмет, профессорскую квартиру, никто поперек слова не скажет.

– А нам все равно, чекист или дворник. Наше дело – электротехника, чтобы порядок был, не искрило, не коротило. Иначе до беды недалеко. От замыкания и пожары бывают. Вот неделю назад на Патриарших Прудах чуть дом не сгорел, хорошо, вовремя потушили. Самовар электрический жильцы включили, а проводка возьми и задымись. От проводки – обои, шторы... Один человек таки погиб в огне. А кабы сгорел дом? Не дом, домина, в шесть этажей. Куда жильцов? На уплотнение в другие дома? Поэтому очень важно держать всю проводку в исправности.

О жильце, чекисте-нечекисте, Александр Александрович не спрашивал, но Сашка почувал: вот оно!

Так и шли они от квартиры к квартире. Где-то их ждали прямо на пороге, где-то пришлось стучаться, и им открывали, а где-то и не открывали. Александр Александрович такие квартиры в книжечке помечал, писал «не осмотрены». А другие – осмотрены, и даже записывал, где какой ремонт сделан, а где будет нужно делать, и что для того ремонта потребуется. Все обстоятельно, неспешно. Одно слово – мастер.

Все квартиры обошли, и в полуподвале, и в первом этаже, и в бельэтаже. Обошли, но никого подозрительного не нашли. И чекиста-нечекиста тоже. Потому что подвальная квартира, вернее, дворницкая комнатуха оказалась запертой, но не изнутри, а снаружи – на хороший амбарный замок.

Александр Александрович несколько не смутился, а как обычно, пометил в книжечке «не осмотрена», да и пошел к выходу. В полуподвале никто больше и не жил. Зачем, если даже бельэтаж почти пустой?

Они уже пересекли половину двора, когда их догнал человек – молодой, худой, лицо простодушное. Ничего чекистского.

– Вы, простите, электрики?

– Электротехники, – поправил Александр Александрович.

– Да, электротехники, еще раз простите. Вы в мою каморку не зайдете? А то я у приятеля засиделся, ничего не слышал, а в коридоре встретил Анну Егоровну, соседку, она и сказала, что мастера все квартиры осматривают и ремонтируют. А у меня, как назло, то и дело неприятности с электричеством.

– Вы из какой квартиры?

– Квартиры – громко сказано, я в дворницкой живу. Ноль-пятый номер. Этаж – нулевой, другими словами – подвал.

Арехин неспешно перелистал записную книжку.

– Ноль-пятая, ноль-пятая. Да, есть, не осмотрена. Но мы, гражданин, еще и завтра работать будем, еще много непроверенных квартир осталось, помимо вашей. Вдруг еще жильцы объявятся.

– Но, может быть, глянете? Вдруг какой материал понадобится, а у вас завтра его не будет.

– У нас и сегодня ничего не осталось, – Арехин вел себя, как уставший рабочий человек.

– Вот вы и осмотрите, что нужно, да завтра и захватите. Если что – то и прикупить можно.

– Прикупить?

– У частников. Я заплачу. Хорошо заплачу.

– Ну, ладно, – сдался Арехин. – Посмотрим сейчас.

Хорошо, что тезка Он вошел в роль, на жильца смотрел скучно, без интереса, только «заплачу» чуть оживило. Электротехник не жильцов запоминает, а неполадки.

Вернулись в подвал, жилец отпер дверь.

В дворницкой царили порядок и чистота. Вещей мало, мебели тоже – шкаф у стены, столик, тумбочка, железная кровать и две табуретки. Ни пыли, ни грязи. Пол чистейший. Окно заставлено картонкой, которую жилец тут же убрал.

– Чтобы не подглядывали, – объяснил хозяин. – Мне-то все равно ничего, кроме чужих ног, из окна не видать.

Арехин равнодушно пожал плечами. Какое дело электротехнику до вида из окна жильца?

Но проводка в дворницкой подкачала. Оплетка местами пачкала обои, дешевые, но явно клеенные недавно, слишком свежими были они для дворницкой. Арехин прикоснулся пальцем – так и есть, крошится.

Он проследил за проводкой

– Замыкает часто, – пожаловался жилец.

– А не должно бы. Лампочка слабая. В розетку самовар, поди, включаете?

– Электроплитку. Керосинку держать не хочется – дым, вонь. Не терплю грязи, – и, предупреждая вопрос, добавил: – я ее, электроплитку, товарищу одолжил. На денек.

– А проводка рассчитана на пятьдесят уаттов. С запасом рассчитана, даже с большим запасом, но плитка для нее – многовато. А главное – в распределительной коробке стоит предохранитель. Как свыше двухсот уаттов нагрузка на линию, он нагревается, срабатывает, и отключает электричество. Потом охладится – и включает.

– И что можно сделать? Нельзя этот предохранитель того... обойти?

– Если в вашей квартире установить другую проводку, то можно и предохранитель перенастроить. Иначе пожар случится. А еще на подстанции порой отключают и дом, и улицу.

– А что можно сделать?

– В этом случае ничего, – и Арехин почитал привычную лекцию о состоянии и перспективах электростроительства в революционной России. – А вам нужно выбирать: либо никаких электроплиток, либо менять проводку.

– Так поменяйте. Мне хорошая проводка нужна.

– Это придется от распределительной коробки тянуть. Метров сорок.

– Скажите, сколько будет стоить – заплачу.

– Что деньги, пустое.

– Я старыми, империалами.

– Э... Я поищу, – сказал Арехин. – Но обойдется недешево. Сто рублей. С работой – поспешно добавил он.

Жилец торговаться не стал, сто, так сто.

На том и расстались – до завтра.

Пошли они не в МУС, а в отделение электротехнической службы. Вдруг кто следит, тогда странно покажется – электротехники, а с работы ушли в МУС.

Из отделения вышли через заднюю дверь, одним проходным двором, другим, – а там уже и «паккард» ждет. Все-таки автомобиль – замечательная вещь. Жаль будет расставаться.

– Мы что, завтра будем проводку менять? – с энтузиазмом спросил тезка Он.

– Увы, нет. Время электротехников кончилось. Время браться за маузеры.

– Это – он?

– Жилец подвальной квартиры? Возможно. Во всяком случае, квартира интересная. Вы, Александр, заметили потайную дверь?

– Потайную дверь? Нет, не заметил, – честно ответил Орехин.

– Даже не потайную, а спрятанную. Шкафчиком заставленную. Но на полу характерные царапины, шкаф туда-сюда двигают.

– И в той комнате...

– В той комнате может быть все, что угодно. Даже вообще ничего. А мы ночью проверим.

– Ночью? А почему не сейчас?

– Вы, Александр, помните – когда Матвей Доронин бежал, серьезно пострадали трое конвойных. А нас всего двое. И потом, вдруг за тайной дверью – сообщник?

– Сообщник? У него есть сообщник?

– Не знаю. Но учитывать эту возможность нужно.

В МУСе Арехин вместе с тезкой Он доложили Оболикшто: необходимо провести обыск в подозрительной квартире ноль пять дома сорок два по улице имени товарища Троцкого.

– Это дело. Когда?

– Сегодня ночью. Не ставить же ему, в самом деле, новую проводку.

8

Сашка к делу подошел ответственно: разобрал, почистил, смазал и снова собрал маузер, патроны проверил – не разболтался ли какой. То же сделали и Лютов, и сам товарищ Оболикшто.

Арехин же весь вечер посидел за столом с единственным стаканом чая, правда, крепкого. Крепкого – оттого что из дома принес своего, образцово-буржуйского.

Пока Сашка с Арехиным упырем занимались, МУС транспорт получил. Пролетку, лошадь средних лет и кучера, красноармейца-инвалида Семкина. Понятно, неинвалиды из подходящих все на фронте. У Семкина трех пальцев на правой руке не хватало, а в остальном – хоть куда. Старик только, лет сорок ему. Для кучера – не страшно. Три месяца он со своей лошадейю при каком-то театре состоял, да театр погорел.

Ну, МУС не погорит. Такое представление устроим, вся Москва в очередь станет.

Ближе к полуночи тезка Аз, Лютов, товарищ Оболикшто и сам Сашка уехали в пролетку. Не «паккард», теперь-то Сашка вправе сравнивать, но и они не баре. Лошадь неспешно брела по улицам. Колеса не скрипели, но что толку, пролетка на булыжную мостовую отзывчива. Москва ночью – город темный. Прежде, говорят, было светлее, но фонари теперь стояли более для украшения и устрашения. Не горели фонари. И в окнах темно, редко-редко в каком окошке увидишь тусклый свечной огонек. Как корабли в ночном океане встречались дома с электричеством во мраке сиявшие десятками ярких окон.

Домовые дежурные, верно, глядят на пролетку из-за ворот, боятся – вдруг бандиты. Нет, московские граждане, это едет МУС, который под корень изведет и бандитизм в целом, и бандитов поштучно.

Ночная дорога была трясуча, но Сашка не жаловался. Дождя нет, ветер не свищет, мух да оводов нет. Откуда мухи, когда зима на носу?

Жаль, мимо Кремля не едут. Рассказывают, что в Кремле всю ночь в кабинетах вождей свет не гаснет. Работают вожди, куют победу мировой революции.

И МУС работает. Одно дело, получается, делаем.

Но Кремль был не по пути. По пути лежали совсем другие кварталы. Не Хитровка, не Сухаревка, но все ж наган нужно держать востро. Или вот "маузер", если есть.

Сашка положил руку на кобуру. Пока вытащит, пока выстрелит... Он тренировался упорно, но пока стрелял только на счет «три». А вот Лютов – на «раз», и как стрелял!

Интересно, а тезка Аз стрелять умеет? Хоть бы и умеет, из чего? Маузером пренебрег...

Наконец, они оказались на улице имени товарища Троцкого. Электричество в доме сорок два не отключали, об этом товарищ Оболикшто позаботился заранее. Лампочка над парадным, понятно, не горела, экономия энергии, но ее можно будет включить. Важнее включить свет в коридорах. А самое важное – в дворницкой, в квартире ноль пять. При обысках и арестах свет – первейшее дело. Кого арестуешь в потемках, что в потемках найдешь? Мимо бандита прой-дешь, не заметишь, а он полоснет пером, да деру. В чужом доме, да в темноте, поди, поймай...

– Проедем дальше, – сказал тезка Аз – До сорокового дома.

Они проехали, разве трудно. Он, сороковой, рядышком.

Но сороковой они миновали тоже, завернули за угол, и только тогда Арехин остановил Семкина.

Товарищ Оболикшто еще прежде сказал, что в деле главным будет Арехин – он был здесь, знает место, знает обстоятельства, знает, наконец, в лицо убийцу.

Сашке показалось, что товарищ Оболикшто не слишком верит в то, что жилец подвальной комнаты и есть упырь. Но от обыска их не убудет. Глядишь, что и найдется. Всегда что-то находится.

Они подошли к воротам. Те, как и положено, были заперты. Позвали дежурного. Подошел человек, в темноте не разберешь, из бывших или пролетарий.

– Что вам угодно? – спросил дежурный. Ясно, бывший.

– Уголовный сыск, – ответил Арехин. Хорошо ответил, по-нашенски. А то бы начал политесы разводить – будьте любезны, милстидарь... Неловко.

– Разрешите взглянуть на документ?

– Маузер наш документ. Показать?

Тоже правильно, тоже по-нашенски.

– Нет нужды, – ответил дежурный, и в воротах открылась дверь. – Какая нам, собственно, разница.

Это он на что намекает?

Но Арехин внимания не обратил, шагнул в ворота, прошел арку и очутился во дворе.

– Двор этого дома и сорокового бок о бок. Заборчик деревянный прежде был, да на дрова растащили.

Ага, ясно.

Узнав, что им нужен соседний дом, дежурный вздохнул с облегчением. Что толку в таком дежурном? Оружия у него нет, придут бандиты, что делать будет?

А ничего, если жить хочет. Откроет ворота, и только. Как им открыл.

Двором они подошли к сороковому дому. Тут дежурного не было – то ли у ворот стоит, то ли вовсе нет, дом маленький, жилыцы старенькие.

– Из подвала есть два хода. Один обычный, через дом. Другой – через погреб.

Действительно, во дворе поодаль был вход в погреб, закрытый, впрочем, на замок.

– Изнутри снимет дверку с петли, секундное дело – и все, – шепотом объяснил Арехин. Хитро.

– Вас я бы попросил остаться здесь, – сказал он Лютову и товарищу Оболикшто. – Преступник наверняка будет выбираться этим ходом. А я с Александром пойду в дом. Не думаю, что у преступника есть сообщники.

– А хоть и есть, – равнодушно сказал Лютов. – Патронов на всех хватит...

Товарищ Оболикшто не сказал ничего, только маузер достал из кобуры. И правильно. Чего трепаться. За него маузер скажет.

Черный ход на ночь заперли, но ни стучать, ни ломиться Арехин не стал. Вытащил набор отмычек, немножко поколдовал, дверь и открылась. Ай да тезка!

Налаживали они электричество, налаживали, а темнота осталась. Не жгли электричества зазря, берегли. Правильно берегли, но в эту ночь могли бы и побаловать себя светом.

Не стали. Ну и ладно.

9

После болезни – той, детской, – Арехин удивлялся, отчего это другие в темноте видят плохо или вовсе не видят. Повзрослев, у Жюля Верна вычитал учёное слово «никталоп». Звучит обидно, вроде остолопа, а означает совсем другое – способность видеть ночью. У кошек, сов, волков встречается сплошь и рядом, а у людей редко. Он о своей способности помалкивал, еще будут котом дразнить: Тиша, Тиш, поймай мышшь!

Но сейчас он был не один, и потому следовало позаботиться об освещении. Проще всего было щелкнуть выключателем, но он предпочел способ более традиционный: достал свечу и зажег. Свеча у него была с собою, в футляре дорогой сигары, чтобы не сломалась, не покривилась.

Горящую свечу он передал тезке Он. Пусть хоть одна рука у того будет занята. Сам Арехин шёл тихо, почти бесшумно, американские ботинки на каучуковой подошве позволяли, но тезка топал за двоих. Сапоги есть сапоги.

Они спустились вниз. Наверху, верно, вздохнули с облегчением – не к ним. Если что слышали. Могли и не слышать – дом крепкий, стены, перекрытия толстые, добрые. Даже внутренние двери, он обратил внимание, дубовые. Старая работа.

Внизу беспокоить было некого – за исключением жилья квартиры ноль пять. Но они к нему и шли. Внезапность и натиск? Нет, спокойствие и уверенность. Они – представители власти, а не налетчики.

Дверь оказалась запертой изнутри. Он днем заметил – засов крепкий, да крюк.

Перед дверью остановились, постояли, прислушиваясь. Слух у Арехина был под стать зрению, кошачий. Никого за дверью нет.

Он, собственно, этого и ждал. Достал проволоку, просунул в щель, повозился немного. Сначала крюк откинул, потом отодвинул засов. Простенький, дворнику запирается не от кого.

Дверь открылась тихонько. Петли смазаны. Жилец постарался. Для уюта, чтобы соседей не беспокоить. Хотя соседей в полуподвале у него и не было никаких. Деликатность чувств, тонкое воспитание. Или просто – предосторожность. Жилец отсутствовал. Куда ушел? В другую дверь, которую отодвинутый шкаф теперь не загораживал.

От электрической розетки тянулся провод, уходящий в слегка приоткрытую дверь Арехин пригляделся. Удлинитель, и хороший удлинитель, лучше проводки.

Он распахнул дверь пошире. Тьма та же, если не гуще – здесь окон не было вовсе. Зато тишина утратила целостность. Слышались не звуки, нет, только намеки, смутные даже для очень чуткого уха.

И доносились они снизу.

В дальнем углу комнаты обнаружилась идущая вниз винтовая лестница. Железная. Ну, ну.

Арехин начал спускаться, следом, чуть ли не буквально становясь на голову, шел тезка Он.

Если квартира ноль пять располагалась в полуподвале, то теперь они были в полуторподвале. А то и ниже – лестница была в тридцать восемь ступенек.

Вероятно, здесь был подземный склад, как во всяком порядочном купеческом доме. Большой склад, с запасом, мало ли. Но склад разгороженный, и получалось несколько залов. Коридор, в котором оказались они с тезкой, был и широким, и высоким. Из-за ближайшей двери доносился шум – негромкий, механический. И свет пробивался. Но и свет, и шум Арехина не тревожили. Что свет, пустое. Гораздо тревожнее был запах. Запах крови.

Тезка, молодец, свечечку задул. И то, зачем свеча, если за дверью лампочка в десять свечей?

Он шел крадучись, но голос из-за двери обратил все предосторожности в прах:

– Эй, электротехники! Заходите, не бойтесь! Я целиком – ваш!

Арехин на мгновение замер, потом сделал знак тезке Он: я пойду один.

Тезка понял, поднял маузер – если что, не подведу,

отомщу за смерть.

Приятно сознавать...

Арехин вздохнул, шагнул к двери. Открыл медленно, вошел тоже медленно, руки держал перед собой, чтобы видно было – пустые.

Под ногами сосновые опилки, будто в мастерской гробовщика. Не очень свежие, где ж их, свежих, взять, но и не совсем древние. Еще лизолом пахло, хлоркой. Маскирует кровь. И для дезинфекции, вероятно, тоже.

– Не опасайтесь, я говорю, – голос шел из-за ширмы в углу. Туда же шел и электрический провод. – Я и сам думал обратиться куда следует, только решить не мог никак, куда, все-таки, следует.

Ширма отодвинулась, открывая говорящего, которым, конечно, был давешний подвальный жилец. А рядом стоял странный аппарат – резиновые трубки, моторчик, маховик – машинерию Арехин разглядывать не стал, не она главная. Главной здесь была голова на железной шее. К ней и шли трубочки.

– Это...

– Это очередной опыт, умеренно удачный. Но разве можно работать в такой обстановке – повел рукой подвальный жилец. – И вдобавок ко всему – перебои с электричеством. А они больше трех часов без электричества не могут.

– Они?

– Подопытные. Лиза, Лиза! – заговорил он громко, – ты еще слышишь меня?

И тут голова открыла глаза – всего на мгновение, но и этого было достаточно.

– Видите, умирает, – констатировал подвальный жилец. – Нет, я непременно должен получить лучшие условия. Лабораторию. Или даже целый институт. Представляете, что можно будет сделать в институте?

– Что?

– Да что угодно. Пересадить голову на новое, молодое тело. Или подшить человеку жабры акулы – пусть покоряет моря. Или просто продлить жизнь лет так на двести-триста. Заманчиво?

– Заманчиво, – сказал в раздумье Арехин.

– А то, что пришлось для опытов использовать людей, то опять же из-за плохих условий. Вы ведь сотнями расстреливаете, и все больше молодых, крепких. Я отберу среди них столько, сколько потребуется, и в институте, прямо в операционной и проведу нужные действия. А то прямо как идиот, право, бегаешь по городу с головой в одной руке, запасом крови в другой... Нет, если я занимаюсь делом государственного значения, государство просто обязано создать мне условия, разве не так?

– Пожалуй, вы правы, пора государству сказать свое слово, – и Арехин выхватил из внутренних карманов маленький вороненый пистолет. Два выстрела – по коленям.

Вбежал тезка Он с маузером наготове.

– Где? Куда?

– Никуда, – Арехин туго бинтовал раны упыря.

– Это зачем?

– Приказ взять живым, – вздохнул Арехин.

– Приказ товарища Оболикшто?

– Берите выше, Александр. Много выше. Взять живым, стрелять только по ногам. Вот мы приказ и исполнили...

10

– Ну, покажите, покажите! – Сашка чуть не дрожал от возбуждения.

Арехин расстегнул кобуру и вытащил маузер. К рукоятке была прикреплена пластинка, на которой было выгравировано: «Товарищу Арехину за героизм» – и подпись.

Посмотреть на оружие, а больше на подпись пришли все сотрудники МУСа.

Товарищ Оболикшто долго тряс Арехину руку, говорил громкие слова, а Арехин ждал, когда будет прилично уйти со службы домой.

На столе товарища Оболикшто зазвонил телефон.

Товарищ Оболикшто поднял трубку, выслушал сказанное, ответил «Есть» и повесил трубку на место.

– Вас опять вызывают в Кремль, товарищ Арехин. Срочно. С одним сопровождающим.

– Сопровождающим?

– Возьмите Сашку, он заслужил.

Спорить, к восторгу Сашки, тезка Аз не стал.

Вложил именной маузер в кобуру, а кобуру передал товарищу Оболикшто:

– Будьте любезны, положите в сейф покамест.

Товарищ Оболикшто только крякнул.

Арехин с Сашкой быстро покинули здание. Чуть далее ждал «паккард».

– Ну, Арсений Иванович, похоже, пришло время. С Богом, – сказал Арехин шоферу.

Тот слегка покраснел, перекрестился размашисто:

– С Богом, Александр Александрович.

Сашка таких цирлих-мирлихов не понимал, а в Бога и вовсе не верил, но, быть может, так положено перед поездкой в Кремль?

– Вы, Александр, маузер приготовьте. На всякий случай. Только сгоряча не стреляйте в полкового врача.

– В кого?

– Это я так... Просто – не стреляйте сгоряча, и все.

– Я и не стреляю. А зачем вас опять позвали в Кремль, вы ж так утром были, когда наградной маузер получали.

– Значит, понадобился. Либо я, либо маузер, – Арехин говорил серьезно, не поймешь, шутит, нет.

– А с этим... с упырем что сделали?

– Пока не решили. Возможно, он действительно получит в свое распоряжение лабораторию или даже институт.

– А как же убитые?

Арехин не ответил.

– Я вот что думаю, – продолжил Сашка, – вот он голову Елизаветы как ее... Викторовны, вот, в ведре унес вместе с кровью. Но ведь ведро – случайность, а убивать он шел намеренно. Куда бы он тогда дел и голову, и кровь, если бы ведра не оказалось?

– Он их не прямо в ведре нес. У него два резиновых мешочка были, на особых застежках. В один мешочек он голову поместил, а в другой кровь. А потом мешочки в ведро поместил, чтобы надежнее. А так у него еще и обычный мешок был, с мешками сейчас всяк ходит, не приметно...

– Ага... – Сашка еще хотел спросить, правда, что отрезанные головы по несколько дней жили, но здесь «паккард» остановился: дорогу перегородила подвода, а возчик никак не мог управиться с норовистой лошадей.

– Ну, Александр, приготовьтесь!

К чему готовиться, Сашка спросить не успел: отовсюду вдруг стали стрелять, и он понял, что стреляют по «паккарду», и, следовательно, по нему.

Тезка Аз вывалился из автомобиля, покатился по мостовой, и, пока катился, все стрелял из своего маленького пистолета. Наверное, метко стрелял, потому что шофер, выскочив вслед, только водил из стороны в сторону дулом большого американского револьвера, но стрелять не стрелял.

– Похоже, вы их всех положили, Александр Александрович, – наконец, сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.